

Мари Скай

Двойной капкан

«Литнет»

2026

Скай М.

Двойной капкан / М. Скай — «Литнет», 2026

Спасая семью от краха, я соглашаюсь на брак с влиятельным миллиардером. Он холоден, опытен и привык получать то, что хочет. Наша помолвка — всего лишь сделка. Но в день знакомства я встречаю его сына. Взрослого, дерзкого мужчину, который смотрит на меня так, будто я уже принадлежу ему. С первой секунды между нами вспыхивает пожар. Где бы мы ни оказались — нас тянет друг к другу с неистовой, запретной силой. Поцелуи в тени особняка, прикосновения, от которых плавится рассудок... Я сгораю в его объятиях, понимая, что это предательство по отношению к его отцу. Но чем ближе свадьба, тем страшнее секрет, который я открываю: страсть с самим женихом не просто возможна. Она всепоглощающая. Она опасная. Она такая же дикая, как и с его сыном. Ярываюсь между двумя мужчинами, которые готовы уничтожить друг друга ради меня. Я не могу отменить свадьбу — это погубит мою семью. Но я не могу и отказаться от нахлынувших чувств, потому что они уже стали моим проклятием. К чему приведет эта игра? Кто из них окажется моим палачом, а кто — спасением? И что будет, когда они узнают, что делить им придется не только мое тело, но и сердце, которое бьется только для одного? Роман выходит в рамках литмоба «Цена любви»! Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИ СКАЙ

© Скай М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	34
От автора	36
Глава 13	37
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	45
Глава 18	47
Глава 19	49
Глава 20	51
Глава 21	53
Глава 22	55
Глава 23	57
Глава 24	59
Глава 25	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Я узнаю о том, что моя жизнь кончена, в среду, ровно в три часа дня, когда весенний дождь заливает окна моей маленькой квартирки, превращая шумный город за стеклом в размытое, безликое серое пятно. Обычно я люблю этот звук — мерный стук капель по подоконнику, запах озона, уютную полудрему, когда можно закутаться в плед и смотреть, как по стеклу стекают тяжелые капли. Но сегодня всё иначе. Сегодня сам воздух в комнате кажется спертым, тяжелым, будто перед грозой. Я сижу на кухне, сжимая ладонями теплую кружку с остывшим кофе, и смотрю на экран телефона.

Звонок матери был сбивчивым, неестественным. Она всегда говорила четко, по делу, даже когда паниковала — а паниковала она редко, предпочитая взять себя в руки, прежде чем брать трубку. Но сегодня ее голос напоминал скомканную бумагу: он ломался на высоких нотах, уходил в шепот, а потом взрывался всхлипами, которые она тщетно пыталась подавить.

— Аня, — выдохнула она, и это простое имя прозвучало как приговор. — Анечка...

— Мам, что случилось? — я попыталась вложить в голос спокойствие, но где-то в груди уже зарождался ледяной ком тревоги. — Ты плачешь? Голос такой... что-то с папой?

Она молчала. Эти паузы — я их ненавижу всей душой. Они всегда предшествуют словам, которые меняют всё. «У твоего отца рак». «Мы потеряли дом». Паузы — это мгновения, когда жизнь еще принадлежит тебе, а потом секундная стрелка делает шаг, и ты падаешь в пропасть.

— Мама, — повторила я жестче, чувствуя, как пальцы мертвой хваткой впиваются в кружку. — Говори.

— Его подставили, — наконец выдавила она, и слова полились сплошным потоком, будто прорвало плотину. — Аня, доченька, его подставили так, что не подкопаешься. Эти люди... эти твари... они забрали всё. Всё, что мы нажили. Всё, что твой отец собирал по крупицам двадцать пять лет. Буквально всё.

Я замерла. Мой мозг, привыкший к линейности, к четким линиям чертежей и продуманным планировкам, отказывался обрабатывать услышанное. Я смотрела на капли дождя, сползающие по стеклу, и пыталась сопоставить слово «подставили» с фигурой моего отца. Игорь Николаевич Воронцов. Человек, который никогда не повышал голос на мать. Который учил меня держать спину прямо, смотреть в глаза собеседнику и никогда, слышишь, никогда не брать чужого. Его подставили? Это абсурд.

— Что значит «всё»? — переспросила я, хотя ответ уже пульсировал в висках тяжелым, болезненным стуком.

— Дом. Счета. Компания. — Голос матери звучал глухо, будто она говорила из-под толщи воды. — Всё, что твой отец создавал. Его репутация. Наше имя. Ему грозит тюрьма, Анна. Настоящая. Надолго.

Слово «тюрьма» ударило меня под дых. Физически. Я сложилась пополам, уронив кружку, и горячая жидкость разлилась по столешнице, потекла на пол, но я даже не пошевелилась, чтобы ее вытереть. Тюрьма. Мой отец, который боится летать на самолетах и каждую осень сам утепляет окна в доме, заклеивая щели бумажными полосками. Который по субботам печет блины и ворчит, если я прихожу без предупреждения. Этот человек — в тюрьме.

— Это ошибка, — выдохнула я, чувствуя, как пол под ногами начинает раскачиваться, уходя в штопор. — Просто какая-то ошибка. Надо нанять адвоката. Найти деньги, чтобы...

— Нет денег, — оборвала меня мать с той пугающей, мертвенной прямоотой, которая бывает только у людей, прошедших точку невозврата. — Совсем нет, Аня. Пусто. Все счета арестованы. Дом выставят на торги через месяц. Я не знаю, где мы будем жить. Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю...

Она замолчала, и в трубке раздался звук, который я слышала всего несколько раз в своей жизни, — мать плакала. Не всхлипывала, не сдерживалась, а плакала навзрыд, как ребенок, у которого отняли самое дорогое.

Я не помню, как закончился тот разговор. Кажется, я сказала что-то успокаивающее, что-то из разряда «всё наладится», «мы что-нибудь придумаем», «я скоро приеду». Но эти слова были пустыми. Я произносила их автоматически, пока внутри меня разверзалась черная, ледяная пустота, которая начинала медленно, неумолимо затягивать всё, что я знала о своей жизни.

Я — Анна Воронцова. Мне двадцать пять. Я дизайнер интерьеров. Не звезда, конечно, но талантливая, как мне говорили наставники и первые заказчики. У меня есть своя маленькая студия на окраине города, которую я арендую вместе с подругой Ленкой. Есть съемная квартира с продавленным диваном, вечно капающим краном на кухне и плесенью в углу ванной, которую я никак не могу вывести. Есть мечта — открыть собственное бюро, делать проекты для тех, кто понимает толк в красоте. Я считала себя взрослой. Самостоятельной. Почти успешной.

Я была ребенком. Наивным, глупым ребенком, который не знал, что такое настоящая беда. Беда, которая приходит не в образе страшного диагноза или внезапной смерти, а в образе папки с документами, подписанных собственной рукой.

Следующие три часа я провела, не отрываясь от телефона. Пальцы дрожали так сильно, что я дважды промахивалась мимо иконки вызова. Звонки в банки подтвердили самое страшное. Меня переключали с одного менеджера на другого, каждый раз уточняя: «Вы дочь Игоря Николаевича Воронцова? Вам известно, что он выступает поручителем по...» Цифры, которые они называли, были такими огромными, что мой мозг отказывался их воспринимать.

— Пятьдесят миллионов по первому кредиту, — монотонно перечисляла девушка с приятным голосом, и каждое ее слово было как удар молотка. — Сто двадцать по второму, с учетом процентов. Тридцать — по третьему, под залог коммерческой недвижимости...

— Подождите, — перебила я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Сколько всего?

— Общая задолженность, включая штрафные санкции, составляет порядка четырехсот миллионов рублей, — ответила она с вежливым сочувствием. — Приношу свои соболезнования.

Я отключилась.

Четыреста миллионов. Я попыталась представить эту сумму. Мои сбережения — сто пятьдесят тысяч, которые я копила на новую машину, были песчинкой в пустыне. Продажа студии, если чудом найти покупателя за неделю, покроет проценты по одному из кредитов. Одному из двенадцати. Моя жизнь, моя работа, все мои планы — это была копеечная монета, брошенная в бездонную пропасть.

К вечеру, когда за окном сгустились сумерки и дождь перестал, сменившись тяжелой, давящей тишиной, я поняла одну простую и страшную вещь: спасти отца может только чудо. А в чудеса я перестала верить лет в пятнадцать, когда поняла, что принцы на белых конях существуют только в книжках, а в реальной жизни мальчики из параллельного класса сбегает при первой же серьезной проблеме.

Я сидела на полу в ванной, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку на кафельной плитке. Вода в душе давно остыла, но я не чувствовала холода. Я чувствовала только, как внутри меня что-то ломается. Как трещит тонкая скорлупа моей иллюзорной безопасности, осыпаясь острыми осколками, которые впиваются в сердце.

Глава 2

Звонок от отца застал меня врасплох. Часы показывали почти восемь, я все еще сидела на полу в ванной, мокрая, продрогшая, с опухшим от слез лицом. Телефон завибрировал на раковине, и экран высветил: «Папа».

Я схватила его дрожащими пальцами, едва не уронив в воду.

— Папа! — выдохнула я, и мой голос сорвался на хрип. — Папа, что происходит? Ты где? Я звонила тебе три дня!

— Анечка, — его голос был чужим. Совсем чужим. Это был голос старика. Раздавленного, сломленного человека, у которого отняли не просто деньги — отняли смысл. — Прости меня. Прости, дочка. Я всё проиграл.

— Ты не проиграл! — затараторила я, цепляясь за соломинку, за любой лучик надежды. — Это мошенничество! Я читала про такие схемы, мы докажем, мы найдем юристов, которые...

— Нечего доказывать, — оборвал он меня с такой глухой, беспросветной тоской, что слова застряли у меня в горле. — Все документы подписаны моей рукой. Даже если я скажу, что меня обманули, что мне подсунули фальшивку, подписи — мои. Я доверился, Аня. Я поверил людям, которые говорили красиво и смотрели в глаза. Я — крайний. Я сяду.

Слово «сяду» прозвучало не как фигура речи. Оно прозвучало как окончательный, безоговорочный приговор.

— Сколько? — спросила я шепотом, хотя боялась услышать ответ.

— Десять лет. Минимум. Если не найду способ вернуть долги.

Десять лет. Моему отцу шестьдесят два. Десять лет тюрьмы — это приговор на всю оставшуюся жизнь. Он выйдет оттуда стариком. Если выйдет вообще. Если не сломается, не заболит, не исчезнет в этой системе, которую я знала только по новостным сводкам и мрачным сериалам.

— Я продам студию, — начала я лихорадочно прикидывать варианты, хотя в голове была пустота. — Сниму все сбережения. Мамины украшения, бабушкино кольцо... что-нибудь придумаем, соберем...

— Ты не понимаешь, — голос отца задрожал, и я услышала в нем слезы. Взрослый, сильный мужчина, который никогда не плакал при мне, плакал сейчас, сжимая телефон дрожащей рукой. — Речь о сотнях миллионов, Аня. О нескольких сотнях миллионов. Это не те деньги, которые можно собрать, продав квартиру или студию. Это даже не те деньги, которые можно заработать, работая на трех работах до конца жизни.

Сотни миллионов. Цифра была такой огромной, такой абстрактной, что мой мозг отказался ее воспринимать. Я не могла представить такие деньги. Не могла представить, как можно потерять такие деньги.

— Как? — выдохнула я, чувствуя, как внутри поднимается глухая, беспомощная злость. — Папа, как ты мог... как ты позволил себе...

— Меня развели, — в его голосе зазвучала глухая, звериная злоба, направленная на самого себя. — Как последнего лоха. Как наивного щенка. Доверился не тем людям. Инвестировал в проект, которого не существует. А теперь кредиторы требуют возврата, а мне нечем отдавать. Я заложил всё, что можно было заложить. Дом, машины, бизнес, даже будущие контракты. Всё, Аня. Всё ушло в трубу.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором, как наяву, пронеслась наша жизнь. Большой дом в пригороде с яблоневым садом, где мы каждое лето собирали варенье. Мамины розы — английские, капризные, которые она выхаживала как детей. Папин кабинет с дубовым столом, где пахло кожей и старыми книгами. Семейные ужины по воскресеньям, когда мы собирались

все вместе и спорили до хрипоты о политике, о книгах, о том, стоит ли перекрашивать забор в саду.

Это всё исчезнет. Дом выставят на торги, и какой-нибудь чужой человек будет ходить по нашим комнатам, спать в нашей спальне, смотреть в окно, из которого я в детстве считала звезды. Мамины розы сровняют с землей, залиют бетоном, чтобы поставить мангал или парковку. Папин стол уйдет с молотка, и неизвестно, в чьей приемной он будет стоять. Наша память, наша история, наш мир — всё это превратится в прах.

— Я что-нибудь придумаю, — сказала я с уверенностью, которой не чувствовала. Голос прозвучал глухо, неестественно. — Папа, держись. Слышишь? Держись. Я что-нибудь придумаю.

Он не ответил. Я знала, что он не верит. И я сама себе не верила.

Следующие два дня прошли в тумане. Я существовала в каком-то сером, бессмысленном пространстве, где время текло иначе — тягуче, медленно, как патока. Я обзвонила всех, кого знала. Друзей семьи, коллег отца, знакомых, у которых могли быть деньги, старых партнеров, которые когда-то бывали у нас на ужинах.

Результат был один и тот же.

— Аня, дорогая, конечно, мы очень переживаем, — говорила жена партнера отца с фальшивой заботой в голосе. — Но сейчас такие сложные времена, сами понимаете... У нас у самих проблемы...

— Я подумаю, что можно сделать, — обещал бывший заместитель отца, и в его голосе я слышала облегчение от того, что он уволился три года назад и теперь не имеет никакого отношения к этому дерьму. — Перезвоню.

Он не перезвонил. Никто не перезвонил.

Сочувствие, обещания «подумать», тяжелые вздохи в трубку и тишина после. Никто не хотел связываться с многомиллионными долгами и уголовным делом. Никто не хотел рисковать своим благополучием, своей репутацией, своими деньгами ради чужой семьи. Я не винила их. Честно. Я бы тоже не захотела. В мире, где всё держится на деньгах, просьба одолжить несколько сотен миллионов звучит как безумие.

К вечеру второго дня я сидела в своей студии, уставившись на эскизы новых проектов, которые никогда не будут реализованы. Аккуратные линии, продуманная геометрия, игра света и тени — всё это было из другой жизни. Из жизни, где я могла позволить себе мечтать. Я смотрела на свои работы и чувствовала, как пустота внутри меня разрастается, заполняя собой всё пространство.

Я уже почти смирилась. Почти решила, что мы будем бороться. Что я найду работу, буду работать на трех работах, продам всё, что можно продать, возьму кредиты, которые никогда не смогу выплатить, и...

И ничего. Потому что четыреста миллионов не зарабатываются работой на трех работах. Их можно только получить в наследство. Или украсть. Или... Или продать себя.

Мысль возникла внезапно, как удар током. Я отшатнулась от нее физически — откинулась на спинку стула, будто меня толкнули. Но она уже впилась в мой мозг острыми, цепкими когтями, и я не могла ее вырвать.

Продать себя.

Я медленно перевела взгляд на темное стекло монитора и всмотрелась в свое отражение. В темноте я видела не себя — Анну Воронцову, дизайнера с горящими глазами и мечтами о собственном бюро. Я видела товар. Молодой. Симпатичный. Здоровый. Дорогой.

Меня вырвало. Буквально. Я едва успела добежать до туалета в коридоре, и меня вывернуло наизнанку желчью и остатками кофе, который я пила утром. Я стояла на коленях перед

унитазом, дрожа всем телом, и меня трясло от одной только мысли о том, что мое тело — это актив, который можно монетизировать.

Но когда я поднялась, сполоснула лицо ледяной водой и посмотрела на свое отражение в зеркале над раковиной, я увидела не ту женщину, которая была там минуту назад. Я увидела человека, который только что принял решение.

Бледное, мокрое от слез лицо. Темные круги под глазами. Растрепанные волосы. Но взгляд уже был другим. Взгляд был взглядом игрока, который понимает, что колода мечена, но продолжает игру, потому что фолд означает смерть.

Вопрос был только в том, кому меня продать. И какова будет цена.

Глава 3

На третий день позвонила мать. Ее голос был странно спокойным. Слишком спокойным для женщины, чья жизнь только что рухнула, а мужу грозит тюрьма. В этой спокойной интонации было что-то пугающее, неестественное — как у человека, который уже всё для себя решил и теперь просто сообщает факты.

— Аня, — сказала она без приветствия, и я услышала, как она нервно затягивается сигаретой. Она бросила курить десять лет назад. — К нам сегодня приедет Александр Викторович. Ты помнишь его?

Александр Вересов.

Я замерла с телефоном у уха. Конечно, я помнила его. Друг моего отца, успешный бизнесмен, который появлялся на наших семейных ужинах раз в несколько месяцев. Всегда в идеальном, безупречном костюме, с ледяным, изучающим взглядом и легкой, едва заметной усмешкой на губах. Я помнила, как в шестнадцать лет краснела под его долгим, тяжелым взглядом. Как в восемнадцать впервые заметила, что он смотрит на меня не как на дочь друга, а иначе. Как в двадцать один я поймала себя на мысли, что он смотрит на меня как на женщину. Как на добычу.

— Я помню, — ответила я, чувствуя, как по спине пробегает холодок, а в груди зарождается нехорошее предчувствие.

— Он хочет помочь, — голос матери дрогнул, потеряв ту фальшивую спокойную интонацию. — Аня, он говорит, что может закрыть все долги. Все до копейки. И отца не посадят. Вообще. Вопрос закроют раз и навсегда.

Сердце пропустило удар, а потом забилося с такой бешеной силой, что я услышала пульс в ушах. Громко, навязчиво, как метроном.

— На каких условиях? — спросила я, хотя уже знала ответ. Знала еще до того, как задала вопрос. Знала с той самой минуты, когда мать произнесла его имя.

Мать молчала. Молчала так долго, что я успела насчитать до тридцати, и каждая секунда этой тишины была тяжелее предыдущей.

— Мама, — мой голос прозвучал жестче, чем я хотела. — Я спрашиваю: на каких условиях?

— Он хочет на тебе жениться, — выдохнула она одним долгим, мучительным выдохом, и в этом выдохе я услышала всё: стыд, унижение, страх, надежду и отчаяние. Всё сразу. — Аня, он говорит, что давно тебя... что у него серьезные намерения. Что он обеспечит тебя, обеспечит нас. Что отец будет в полной безопасности.

Я закрыла глаза. В голове набатом билась только одна мысль: вот оно. Чудо, о котором я просила. Только чудеса никогда не бывают бесплатными. И эту цену придется платить мне.

— Он старше тебя на двадцать лет, — добавила мать торопливо, словно это было главным возражением, которое можно смягчить. — Но он хороший человек, Аня. Он всегда был порядочным с нами. Он не какой-нибудь... он уважаемый человек. В хорошем смысле. И он...

— Он покупает меня, мама, — перебила я, и мои слова повисли в воздухе, как пощечина. — Давай называть вещи своими именами. Он покупает меня. Как покупают дом, машину или дорогую картину.

Мать всхлипнула. Я слышала, как она пытается взять себя в руки, как зажимает рот ладонью, чтобы не разрыдаться в трубку.

— А если я откажусь? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Тогда мы потеряем всё, — произнесла она, и ее голос стал чужим, мертвым. — Аня, прости меня. Прости, что я не могу защитить тебя. Прости, что я вообще это говорю. Но твой

отец... он не выдержит тюрьмы. Ты же знаешь его. Он умрет там. В первый же год. От инфаркта. Или руки на себя наложит. Я его знаю, Аня. Он не переживет позора.

Я знала. Я знала своего отца. Гордый, принципиальный, нестигаемый. Человек, для которого честь была не пустым словом. В тюрьме он сломается. Или хуже.

— Когда он придет? — спросила я, и мой голос прозвучал ровно, спокойно, как у человека, который подписывает контракт, а не продает свою свободу, свою душу, свою жизнь.

— Сегодня вечером. В семь.

Я посмотрела на часы. Было пять часов четырнадцать минут. У меня было меньше двух часов, чтобы надеть маску, которая должна будет продержаться не один день, не месяц — возможно, всю оставшуюся жизнь.

— Я буду, — сказала я и отключилась, не попрощавшись.

Я помню, как собиралась к родителям, как стояла перед открытым шкафом и смотрела на свои вещи, которые вдруг показались мне чужими. Я не знала, что надевают женщины, когда продают себя. Не знала, какую роль нужно сыграть.

Я выбрала темно-синее платье — строгое, элегантное, с длинным рукавом и скромным вырезом. То самое, в котором он видел меня на прошлом новогоднем корпоративе отца. Он тогда подошел ко мне с бокалом шампанского и сказал: «Анна, вы сегодня прекрасны». И в его голосе было что-то такое, от чего мне захотелось накинуть пиджак, спрятаться, исчезнуть.

Я нанесла макияж — спокойный, деловой, без вызова. Никаких ярких губ, никаких smoky eyes. Я хотела выглядеть взрослой, рассудительной, готовой к серьезному разговору. Я не хотела выглядеть как девушка, которую покупают.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала женщину, которая смотрела на меня оттуда.

У нее были мои глаза — серые, с золотистыми искрами, которые отец называл «чертовщинкой». Мои волосы — темные, длинные, уложенные в аккуратный, строгий узел на затылке. Мое лицо — с точеными скулами, высоким лбом и чувственным ртом, который никогда не умел лгать.

Но взгляд был чужим. Взгляд был взглядом человека, который поставил на кон всё, что имел, и знает, что проиграет эту партию, но продолжает игру, потому что не имеет права сдаться.

Я достала из шкатулки бабушкины серьги — маленькие бриллианты в старинной оправе. Надела их, хотя руки дрожали так сильно, что я едва попала в прокол. Это была моя броня. Моя дань памяти о том, кем я была до того, как мое имя превратилось в пункт сделки.

В половине седьмого я вышла из дома. Дождь кончился, но воздух был тяжелым, влажным, пропитанным запахом мокрого асфальта и прелых листьев. Я села в машину — старенький «Форд», который сама купила два года назад, — и завела двигатель. Рулевое колесо дрожало в моих руках, но я не была уверена, что это дрожь машины, а не моя собственная.

По дороге я включила радио, но выключила через минуту — каждая песня казалась насмешкой, каждой любовной лирикой мир издевался надо мной.

Глава 4

К семи я была у родительского дома. У дома, который через месяц перестанет быть нашим. Я стояла на крыльце под тяжелым, серым небом, смотрела на темные окна, за которыми когда-то горел уютный, теплый свет, и чувствовала, как внутри меня умирает последняя девочка, которая верила в любовь, в справедливость, в то, что все будет хорошо.

Я вошла без стука.

В прихожей пахло знакомым — деревом, лаком, мамиными духами. Но этот запах теперь казался чужим, как запах дома, в котором скоро будут жить другие люди. Я сняла туфли, повесила пальто на вешалку — на то самое место, которое было моим с пятнадцати лет, — и прошла в гостиную.

Отец сидел в кресле у окна, ссутулившийся, постаревший на десять лет за эти три дня. Его руки, которые я помнила сильными, уверенными, лежали на подлокотниках безжизненно, как плети. Он не смотрел на меня. Он смотрел куда-то в пол, в одну точку, и я поняла, что он даже не слышал, как я вошла.

Мать суетилась на кухне, накрывая стол. Я слышала звон посуды, стук ножа по доске, ее прерывистое дыхание. Она готовила так, будто от этого ужина зависела жизнь — нарезала сыр, выкладывала на блюдо фрукты, доставала из серванта хрусталь, который берегли для самых больших праздников. Это было унижительно. Эта попытка создать иллюзию благополучия, это раболепное желание угодить человеку, который пришел забрать самое дорогое.

А он — Александр Викторович Вересов — уже был здесь.

Он стоял у камина, в темно-сером, безупречно сшитом костюме, с бокалом дорогого виски в руке. Огонь в камине не горел — было не сезон, — но он стоял так, будто позировал для фотографии. Владелец жизни. Хозяин положения. Человек, который привык получать то, что хочет.

Он медленно повернулся, когда я вошла, и его взгляд — тяжелый, изучающий, раздевающий — прошелся по мне с головы до ног. Я чувствовала его почти физически, как прикосновение холодных пальцев к коже.

— Анна, — он произнес мое имя так, словно пробовал его на вкус, растягивая гласные. В его голосе было удовлетворение. Спокойная, уверенная радость коллекционера, который наконец-то получил в свою коллекцию экземпляр, за которым охотился годами. — Вы стали еще красивее. Я всегда говорил, что время работает на вас.

Я не ответила. Я смотрела на него и видела не мужчину — я видела сделку. Я видела ценник на своей свободе, на своем теле, на своем будущем. И этот ценник составлял четыреста миллионов рублей.

— Садись, дочка, — голос отца прозвучал глухо, срывающимся баритоном. — Нам нужно поговорить.

Я села напротив Александра. Между нами был низкий столик, на котором мать уже расставила закуски: красную икру в хрустальной розетке, тонко нарезанную семгу, сырную тарелку, фрукты. Бутылка дорогого коньяка стояла в центре, рядом — цветы, которые он привез. Красные розы. Слишком яркие, слишком навязчивые, слишком пахнущие парфюмом, а не садом. Розы, которые покупают, когда хотят произвести впечатление.

Мать вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Она была бледна, под глазами залегли черные тени, но она держалась — пыталась улыбаться, пыталась выглядеть радушной хозяйкой. Она посмотрела на меня, и в ее взгляде я прочитала мольбу. Не скандаль. Не спорь. Соглашайся. Пожалуйста.

Александр подождал, пока мать сядет рядом с отцом, и только тогда заговорил. Его голос был деловым, спокойным, безжалостным — как у прокурора, зачитывающего приговор.

— Я знаю о вашем положении, Анна, — начал он, делая медленный глоток виски. — Игорь Николаевич рассказал мне всё в деталях. Должен сказать, ситуация более чем сложная. Кредиторы уже подали заявления. Следственный комитет рассматривает вопрос о возбуждении уголовного дела по статье о мошенничестве в особо крупном размере.

Каждое его слово падало на стол, как гиря.

— Но, — он сделал паузу, выдерживая театральную паузу, и я поняла, что он наслаждается этим моментом, — ситуация решаемая. При определенных условиях.

— Решаемая? — переспросила я, и в моем голосе прозвучала сталь, которую я не знала в себе. — Вы имеете в виду, что вы можете решить ее. За определенную плату.

В комнате повисла тишина. Мать замерла с бокалом в руке. Отец поднял голову и посмотрел на меня с такой болью, что у меня сжалось сердце.

Александр улыбнулся. Улыбка была холодной, но в глазах — темно-серых, почти черных — промелькнуло что-то живое. То ли уважение к моей дерзости, то ли предвкушение. Он всегда любил непокорных. Я знала это. Он говорил об этом за ужинами, когда я была подростком, — о том, что скучные женщины ему неинтересны.

— Да, — сказал он просто, отставляя бокал на стол. — Я могу закрыть все долги вашего отца. Полностью. Я могу уладить вопросы с кредиторами так, что они отзовут свои заявления. Я могу сделать так, что уголовное дело будет прекращено на стадии следствия. Ваш отец сохранит свободу и честное имя.

Он говорил это так, будто речь шла о покупке нового автомобиля или загородного дома. Будто четыреста миллионов рублей — это мелочь, которую можно бросить на стол, не глядя.

— Но вы должны понимать, Анна, — его голос стал ниже, интимнее, — что такие услуги не оказываются бесплатно. Ни в этом мире, ни в каком другом.

— Я понимаю, — ответила я, чувствуя, как внутри меня всё сжимается в тугую, болезненный ком. — Вы хотите жениться на мне.

Мать всхлипнула. Громко, не сдержавшись. Она закрыла лицо руками, и я увидела, как дрожат ее плечи. Отец опустил голову еще ниже, и я увидела, как по его щеке скатилась слеза. Александр не обратил на них никакого внимания. Он смотрел только на меня. Я была его целью. Я была единственной, кто имел значение в этой комнате.

— Я хочу, чтобы вы стали моей женой, — поправил он, и в его голосе появились мягкие, почти ласковые нотки. — Это разные вещи, Анна. Я не предлагаю вам сделку. Я предлагаю вам брак. Дом. Защиту. Стабильность. Ваша семья будет в полной безопасности. Вы будете в безопасности.

— Безопасность, — повторила я, и это слово обожгло губы. — Вы называете безопасностью ситуацию, когда я становлюсь вашей собственностью?

— Я называю безопасностью то, что ваш отец не сядет в тюрьму, — отрезал Александр, и его голос впервые стал жестким. — Я называю безопасностью то, что ваша мать не останется на улице в шестьдесят лет. Я называю безопасностью то, что вы, Анна, не будете работать на трех работах до конца жизни, пытаясь выплатить долги, которые вам никогда не выплатить.

Он наклонился вперед, и теперь его лицо было совсем близко. Я почувствовала запах его парфюма — дорогого, терпкого, с нотами табака и кожи. Хищный запах.

— Вы умная девушка, — сказал он тихо, почти шепотом. — Вы всегда были умной. И вы понимаете, что выбора у вас нет. Не потому, что я не оставляю вам выбора. А потому, что реальность не оставляет вам выбора.

— А если я откажусь? — спросила я, хотя знала, что не откажусь. Не могу отказаться. Но мне нужно было услышать это от него. Нужно было, чтобы он произнес это вслух, чтобы между нами не осталось никаких иллюзий.

Александр откинулся на спинку стула, взял бокал и сделал медленный глоток. Он наслаждался этим моментом — моментом, когда жертва окончательно осознает безвыходность своего положения.

— Тогда ваш отец сядет в тюрьму, — сказал он безжалостно, спокойно, как о чем-то неизбежном, как о дожде за окном. — Его посадят. Надолго. Десять лет — это минимальный срок, Анна, но учитывая сумму ущерба, могут дать и все двенадцать. Ваш дом продадут с молотка через месяц. Ваша мать останется на улице, без средств к существованию, с больным сердцем и сломленной психикой. Вы останетесь с долгами, которые будете выплачивать до сорока лет, если вообще сможете. Это реальность, Анна. Жестокая, грязная, но реальность. И вы не можете ее изменить.

Он поставил бокал на стол и посмотрел на меня в упор.

— Я могу изменить. Я — единственный, кто может. И моя цена — вы. Вся вы. Без остатка.

Я смотрела на него и видела свое будущее. Не туманное, не романтическое — четкое, как фотография, сделанная профессиональным фотографом. Я видела себя в его доме — большем, холодном, стерильном. В его постели. С его фамилией. Я видела, как моя жизнь, мои мечты, мои планы превращаются в исполнение чужих желаний. Как я становлюсь аксессуаром, красивой вещью, которую он выставляет напоказ.

— У вас есть сын, — сказала я внезапно, вспомнив то, что мельком слышала от отца. — Ему, кажется, двадцать пять, как и мне. Как он отнесется к тому, что вы приводите в дом женщину, которая ровесница ему?

В комнате повисла тишина. Такая густая, что, казалось, ее можно было резать ножом. Отец поднял голову, мать замерла, даже перестала всхлипывать.

Александр улыбнулся. Улыбка была спокойной, но я заметила, как на мгновение его глаза стали жестче, холоднее. Я задела что-то. Не знаю что, но что-то важное.

— Это вас не должно беспокоить, — сказал он ровным, спокойным голосом, в котором, однако, прозвучали стальные нотки. — Кирилл — взрослый мужчина. Он живет своей жизнью, у него свои интересы, свои дела. А вы будете жить моей жизнью. Моими интересами. Моими делами. Это всё, что вам нужно знать.

Я закрыла глаза.

В моей голове билась только одна мысль, пульсировала в висках, как больной зуб: ты продаешь себя. Ты продаешь себя, как последнюю шлюху на рынке, и даже не торгуешься. Ты соглашаешься, потому что у тебя нет выбора. Потому что твой отец сядет в тюрьму и умрет там. Потому что мать останется на улице, и сердце ее не выдержит. Потому что ты — единственное, что у них есть. Единственная ставка в этой партии.

Я открыла глаза.

— Хорошо, — сказала я, и мой голос прозвучал ровно, спокойно, как у человека, который только что подписал свой смертный приговор. — Я согласна.

Мать заплакала. Громко, навзрыд, не скрываясь, не пытаясь взять себя в руки. Она плакала так, как плачут на похоронах, когда гроб уже опустили в землю и осознание необратимости накрывает с головой. Отец сидел не шелохнувшись, и я видела, как его лицо превращается в маску — маску человека, который только что предал свою дочь, даже не имея возможности это предотвратить.

Я не обернулась ни к матери, ни к отцу. Я смотрела на Александра, и в моем взгляде было всё: ненависть к нему, ненависть к себе, холодный расчет, боль, страх и пустота, которую я загоняла так глубоко, что она почти перестала пульсировать в висках.

Александр смотрел на меня с удовлетворением. Он не улыбался, но его глаза — эти темно-серые, почти черные глаза — светились торжеством.

— Рад, что вы приняли разумное решение, Анна, — сказал он, поднимая бокал с виски.
— За ваше разумное решение. За наше будущее.

Он поднял бокал, и я, повинувшись какому-то неведомому импульсу, взяла свой — с коньяком, который мать налила мне раньше. Я подняла его, чувствуя, как холодный хрусталь обжигает пальцы.

— За сделку, — сказала я, и мои слова повисли в воздухе, как осколки разбитого стекла.

Я сделала глоток. Коньяк обжег горло, но я не почувствовала вкуса. Я не чувствовала ничего. Вообще ничего. Только пустоту. Холодную, бесконечную пустоту там, где раньше была я.

Мы пили за сделку. За мое заточение. За жизнь, которую я только что продала человеку, которого не любила и никогда не полюблю. За четыреста миллионов рублей, которые стали ценой моей свободы.

Когда я вышла на крыльцо, чтобы вдохнуть холодный, сырой воздух, дождь пошел снова. Мелкий, противный, косой. Он бил в лицо, смешиваясь со слезами, которые я наконец позволила себе пролить.

Я стояла на ступенях дома, в котором родилась и выросла, и смотрела на темное небо. Капли стекали по щекам, по шее, затекали за воротник платья, но я не чувствовала холода. Я не чувствовала ничего, кроме этой ледяной пустоты внутри.

Мне двадцать пять лет. Я только начинала жить. У меня была мечта, была работа, были планы. Я верила, что моя жизнь будет моей. Что я сама выбираю свой путь, свою любовь, свое будущее.

Я ошиблась. Моя жизнь никогда не принадлежала мне. Она всегда была разменной монетой в чьей-то игре. И сегодня я это поняла.

Я подписываю контракт с дьяволом. Я продаю свою душу человеку, который носит дорогие костюмы и говорит красивые слова. И я даже не представляю, какую цену на самом деле придется заплатить. Не представляю, что ждет меня в его доме. В его постели. В его жизни. Я не представляю, что произойдет, когда я встречу его сына — Кирилла Вересова, двадцатидевятилетнего мужчину, который станет моим пасынком, почти ровесником. Я не знаю, посмотрит ли он на меня с презрением, с жалостью или с чем-то еще. Я не знаю ничего.

Я знаю только одно: та девочка, которая верила в любовь, умерла сегодня. В среду, в три часа дня, когда весенний дождь заливал окна ее маленькой квартирки. Осталась только Анна Воронцова — невеста, а скоро и жена Александра Вересова. Женщина, которую купили. Женщина, у которой больше нет права на свои желания, свои мечты, свою жизнь.

Я спустилась с крыльца и пошла к машине, не ускоряя шага. Дождь хлестал по лицу, размазывая тушь, заставляя щуриться, но я шла прямо, не сворачивая. Потому что мне больше некуда сворачивать. Я села в машину, завела двигатель и включила дворники. Они заскрежегали по мокрому стеклу, разгоняя воду, но дождь не прекращался.

Я смотрела на родительский дом в зеркало заднего вида, пока он не исчез в серой пелене. Дом, в котором я была счастлива. Дом, который я больше никогда не увижу. Дом, который продадут через месяц.

Я нажала на газ и влилась в поток машин, увозящих меня в новую жизнь. В жизнь, которую я не выбирала. В жизнь, которая будет принадлежать другому.

В моей голове билась только одна фраза, которую я повторяла как мантру, как заклинание, как проклятие:

Ты справишься. Ты сильная. Ты справишься. Но я не была в этом уверена. Я не была уверена ни в чем, кроме одного: теперь моя жизнь — не моя. И она никогда уже не будет прежней.

Я выключила радио, в котором кто-то пел о любви, и до самого дома ехала в тишине. Под стук дождя. Под звук дворников. Под тихий, едва слышный плач, который доносился откуда-то из глубины, из того места, где еще минуту назад жила надежда.

Теперь там была только пустота. И дождь. Бесконечный, холодный, весенний дождь, который заливает окна моей маленькой квартирке, превращая город в размытое серое пятно. Пятно, в котором исчезает всё, что я знала о своей жизни. Пятно, в котором начинается моя новая жизнь. Жизнь жены Александра Вересова. Жизнь, которую я продала за четыреста миллионов рублей.

Роман участвует в литмобе "Цена Любви"

<https://litnet.com/shrt/OwD2>

Цена спасения —

Глава 5

Через три дня после того, как я продала свою душу за чек, способный покрыть чужие долги, меня привезли в его дом.

«Привезли» — не фигура речи. Это медицинский термин для описания состояния, когда пациент больше не контролирует себя. Меня привезли, как груз. Как заказанную вещь, доставленную курьером.

За мной прислали машину. Не такси, не служебный автомобиль. Черный «Мерседес» S-класса с тонировкой «в ноль», чтобы никто снаружи не увидел, как дрожат мои колени. Салон пах дорогой кожей Нарра и его парфюмом — терпким, с нотами кожи и табака. Этот запах уже начал вызывать во мне тошноту. Или нет? Или я просто боялась того, что он начинал мне нравиться?

Водитель — молодой, но с лицом ветерана спецопераций — открыл передо мной дверь и не произнес ни слова за все сорок минут пути. Я сидела на заднем сиденье, вжимаясь спиной в мягкую кожу, и сжимала пальцами край своего единственного приличного платья — темно-синего, строгого, которое я купила на распродаже три года назад. Оно вдруг показалось мне дешевым. Недостойным того, чтобы въезжать в этих стенах.

За окном мелькали деревья, потом коттеджные поселки с одинаковыми заборами, потом лес. Мы выезжали из города. Туда, где живут люди, для которых деньги — не способ существования, а воздух. Невидимый, всепроникающий, без которого задыхаешься, если ты снаружи.

Я не знала, чего ожидать. Я видела дом Александра Вересова всего один раз. Пять лет назад. На корпоративе его компании, куда мой отец пригласил меня почти силком. «Тебе надо учиться видеть, дочка, как выглядят настоящие деньги». Тогда мне показалось, что я попала в другой мир. Мраморные полы, хрустальные люстры, картины, которые, как шептались гости, стоят больше моей будущей квартиры. Всё кричало о статусе. О власти. О цифрах на счетах, которые не считают.

Тогда, в восемнадцать, я восхищалась. Наивно и глупо, как ребенок перед витриной кондитерской. Сейчас, в двадцать пять, я ехала туда, чтобы подписать контракт на свою жизнь. И восхищение давно превратилось в тяжелую, подступающую к горлу тошноту.

Особняк встретил меня тишиной. Не покоем — кладбищенской, выверенной тишиной абсолютной власти. Ворота из кованого железа открылись автоматически, даже не скрипнув. Машина медленно, словно кремировальный катафалк, въехала по усыпанной белым гравием дорожке. И тут я увидела его. Дом, в котором мне предстояло жить. Огромный, серый, из грубого камня, с высокими, во всю стену, окнами, похожими на глаза слепого великана. Они смотрели на меня без единой эмоции. Ни тепла, ни угрозы. Только факт: ты здесь. Ты будешь здесь.

— Вас ждут, — сказал водитель, открывая дверь. Его голос оказался низким, бесцветным. Как у автоответчика.

Я вышла. Мои тонкие каблуки-шпильки утонули в гравии, и я чуть не пошатнулась, ухватившись за край дверцы. Сделала глубокий вдох. Холодный апрельский воздух обжег легкие. Расправила плечи — мать всегда учила меня держать спину, даже когда хочется согнуться в три погибели. И пошла к входной двери.

Она открылась прежде, чем я успела постучать.

На пороге стоял дворецкий. Настоящий, из английских сериалов: седой, подтянутый, в безупречном черном костюме. С выправкой, как у солдата королевской гвардии, и лицом, не выражающим ровным счетом ничего. Даже глаза — и те были стеклянными.

— Анна Игоревна? — спросил он. Без интонации. Без вопроса в голосе. Он просто сверил меня с картинкой в голове.

— Да, — выдохнула я.

— Александр Викторович ждет вас в кабинете. Следуйте за мной.

Я шла за ним по длинному коридору. Мраморный пол отражал мои шаги, размножая их. Стены, увешанные тяжелыми картинами в золоченых рамах — батальные сцены, охота, мертвая природа. Мои каблуки цокали гулко, и мне казалось, что эхо разносит по всему дому звук моих последних шагов на свободе.

Кабинет оказался на втором этаже. В конце коридора, за массивной дубовой дверью с бронзовыми вставками. Дворецкий открыл ее, пропуская меня вперед, и произнес все тем же бесцветным тоном:

— Александр Викторович будет через минуту.

Он исчез. Дверь за моей спиной закрылась с глухим, окончательным стуком. Я осталась одна в логове.

Кабинет был огромным. Не просто комната — зал. Высокие, метровые потолки. Стены от пола до потолка в старинных книгах в кожаных переплетах. Массивный письменный стол из темного дуба, инкрустированный бронзой. Кожаные кресла, которые, я была уверена, стоят как подержанная иномарка. Камин, в котором живым, настоящим огнем горели дрова — хотя на календаре апрель, и за окном плюс десять.

Здесь пахло старым деревом, дорогим табаком и им. Тем самым парфюмом, который я вдохнула в машине. Дорогим. Терпким. Хищным.

Я подошла к окну. За ним, сразу за стеклом, начинался сад — идеально выверенный ландшафтный дизайн: подстриженные газоны, геометрически правильные клумбы с еще спящими цветами, фонтан, замерший в ожидании тепла. Красиво. Безупречно. И совершенно мертво. Как декорация к фильму ужасов, где за идеальным фасадом скрывается пыточная.

— Вы пришли вовремя.

Я вздрогнула всем телом. Сердце пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле. Повернулась. Он стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. И смотрел на меня. Александр Вересов. Тридцать пять лет. Миллиардер. Мой будущий муж. Мой спаситель. Мой тюремщик.

Сегодня на нем не было костюма-тройки, в котором он обычно мелькал в деловых хрониках. Черные брюки из тонкой шерсти. Белая рубашка с закатанными до локтя рукавами, открывающая сильные предплечья с четким рисунком вен и темными волосками. Ни галстука. Верхние пуговицы расстегнуты, и я видела ключицы, гладкую загорелую кожу, легкую поросль темных волос на груди.

Он выглядел расслабленным. Почти домашним. Но глаза — эти темно-серые, почти черные глаза — говорили о другом. В них был голод. Не животный, не грубый. Спокойный. Терпеливый. Хищный голод змеи, которая уже загнала добычу в угол и теперь просто наслаждается ее страхом, прежде чем начать заглатывать целиком.

— Вы хотели видеть меня в семь, — сказала я. Голос прозвучал ровно. Даже слишком. Как натянутая струна. — Сейчас без пяти.

— Я знаю, — он вошел в комнату. Легко, бесшумно, как пантера. Закрыв за собой дверь — и я услышала, как замок щелкнул. — Я люблю точность, Анна. Это хороший знак. Пунктуальность — вежливость королей и... удачливых должников.

Он приближался. Не спеша. Смакуя каждый свой шаг. Как будто давал мне время осознать его присутствие, почувствовать, как воздух между нами тяжелеет, становится вязким, как сироп. Я заставила себя стоять на месте. Не отступать. Не опускать глаза. Хотя каждая клетка моего тела кричала о бегстве. Пряталась. Сжималась в комок под его взглядом.

Он остановился в шаге от меня. Так близко, что я чувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань своего платья. Слышала его дыхание — ровное, спокойное, как у спящего зверя. Видела,

как медленно расширяются его зрачки, поглощая серую радужку, делая глаза бездонными, черными.

— Я рад, что ты пришла, — сказал он, и я заметила: он перешел на «ты». Не спросил. Не предложил. Просто взял. Как брал всё в этой жизни. — Я боялся, что ты передумаешь.

— У меня не было выбора, — ответила я. Глядя ему в глаза. Не моргая. Показывая, что я еще не сломлена. Что кое-что во мне еще сопротивляется.

Он усмехнулся. Коротко. Без насмешки. В этой усмешке было что-то другое — понимание. Или предвкушение. Или удовольствие от моей храбрости, которую он собирался сломать.

— Выбор есть всегда, Анна, — сказал он, и его голос стал тише. Почти ласковым. От этого мне стало еще страшнее. — Просто иногда цена одного выбора выше, чем другого. Ты выбрала семью. Это благородно. И глупо. Но мне нравится.

Он поднял руку. Я замерла, не дыша. Его пальцы — длинные, с аккуратно остриженными ногтями — коснулись моего лица. Это было не прикосновение любовника. Не ласка. Это было исследование. Оценка. Клеймение.

Глава 6

Он провел пальцами по моей щеке — медленно, чувствуя кожу, тепло, мельчайшую дрожь, которую я не могла скрыть. Потом по скуле — жесткой, выступающей. Потом по подбородку, приподнимая его, заставляя меня смотреть только на него, снизу вверх, с той самой позой просительницы, которую он так хотел видеть.

— Ты красивая, — сказал он. И это прозвучало не как комплимент. Как констатация. Как вердикт эксперта. — Я знал, что ты станешь красивой. Я помню тебя еще подростком. Длинноногой, неуклюжей, с горящими глазами. Ты тогда спорила с отцом о чем-то за столом, вся красная, живая. Я тогда подумал: «Вырастет — будет моей».

У меня перехватило дыхание. В горле встал ком.

— Мне было шестнадцать, — выдавила я. — Я была ребенком.

— Я знаю, — его большой палец скользнул по моей нижней губе. Чуть надавил, приоткрывая рот. Я почувствовала вкус его кожи — соль, мыло, власть. — Я умею ждать, Анна. Девять лет — не срок. Я ждал тебя.

Он убрал руку. Резко. Как будто сам испугался того, что мог бы сделать дальше. Или просто решил не портить себе удовольствие. Я выдохнула. Громко, прерывисто. И только сейчас поняла, что не дышала все то время, пока он касался меня.

— Садись, — кивнул он на кресло у камина. Обычным тоном. Деловым. — Нам нужно поговорить. Подробно.

Я села. Ноги подкосились, и я просто рухнула в кожаную глубину. Он опустил напротив, в такое же кресло. Положил ногу на ногу. Сложил пальцы домиком. Огонь в камине отбрасывал пляшущие тени на его лицо, делая резкие скулы еще острее, а глаза — глубже.

— Твой отец рассказал тебе о долгах? — спросил он. Без предисловий.

— Да.

— О сумме?

— Да. Там больше четырехсот миллионов — я произнесла это число как заклинание. Оно все еще не укладывалось в голове. Таких денег не бывает в природе. А они были.

— И ты понимаешь, что я закрываю их полностью? Без остатка. С процентами. С штрафами. Я выкупаю все расписки, все залладные, все долги перед фондами и банками.

— Да. Понимаю.

— И ты понимаешь, что цена этого — ты? Не твоя работа. Не твоя благодарность. Ты. Целиком. Как личность. Как женщина. Как тело.

Я промолчала. Что я могла сказать? Что меня тошнит от одной мысли быть его женой, его игрушкой, его вещью? Что я мечтаю встать, выбежать в этот холодный апрель, бежать, не оглядываясь, пока не сотру ноги в кровь? Что я ненавижу его за то, что он пользуется моим отчаянием, моей любовью к отцу, моей слабостью?

Он знал всё это. Читал на моем лице, как в открытой книге. И его это не волновало. Ни капли.

— Я подготовил брачный контракт, — сказал он, наклоняясь к журнальному столику и пододвигая ко мне толстую папку в черной коже. — Твой отец его видел. Адвокат, которого я нанял для тебя — отдельно, независимый, очень дорогой — тоже одобрил. Но я хочу, чтобы ты прочитала его сама. От корки до корки. Чтобы потом не говорила, что тебя обманули.

Он протянул папку. Я взяла. Руки дрожали так сильно, что кожаная обложка ходила ходуном.

— Не дрожи, — сказал он спокойно. Почти ласково. — В контракте нет ничего, что могло бы тебя испугать. Ты получаешь всё. Дом в Лондоне, квартиру в Париже, машины — любые, которые захочешь. Ежемесячное содержание, которое в сто раз превышает зарплату

топ-менеджера. Счета, которые позволят тебе не работать никогда. В случае развода — отступные в размере, о котором большинство женщин могут только мечтать. В случае моей смерти — наследство. Ты будешь одной из самых богатых вдов в стране.

Он говорил это спокойно, перечисляя, как пункты меню. И от этого спокойствия меня мутило.

— А что получаешь ты? — спросила я. Голос сел, стал хриплым. — В этом контракте? В этой сделке?

Он улыбнулся. Медленно. Опасно. Улыбка акулы, которая почуяла кровь.

— Я получаю тебя, — сказал он, и в голосе впервые прорезалась хрипотца. — Твое тело — для моего удовольствия. Твое время — для моих планов. Твое внимание — когда я захочу говорить, и твое молчание — когда я захочу тишину. Твою фамилию — вместо девичьей ты возьмешь мою. Твою верность. Не любовь — не смей меня, я не мальчик. Верность. Все, что связано с тобой, становится моим. Твои мысли, твои привычки, твои слабости. Я буду знать о тебе всё. И я буду иметь право на всё.

— Звучит как покупка, — сказала я, чувствуя, как горечь подкатывает к горлу, как слезы жгут глаза, но я не позволяю им упасть. Ни за что.

— Потому что это покупка, — согласился он без тени смущения. Он даже не отвел взгляд. Он гордился этим. — Давай называть вещи своими именами, Анна. Я покупаю тебя. Ты продаешь себя за спасение своей семьи. Это сделка. Чистая, прозрачная, выгодная для обеих сторон. Ты получаешь свободу от долгов. Я получаю тебя. Не притворяйся, что ты не знала, на что идешь. Твой отец честен с тобой. Я честен с тобой. Это больше, чем ты получила бы от любого другого мужчины.

Он был прав. И от этой правды хотелось кричать. Бить посуду. Рвать волосы. Но я сидела, сжимая папку, и молчала.

Я открыла ее. Печатные листы. Юридические термины, от которых кружилась голова. Параграфы, подпараграфы, суммы, обязательства, права — всё смешалось перед глазами. Я не могла читать. Буквы плыли, складываясь в слова, а слова — в клетку. Золотую, изящную, с удобной кожаной обивкой. Клетку, в которую я добровольно, своей рукой, сейчас захожу.

Глава 7

— Я не понимаю половины терминов, — призналась я честно. Отложила контракт на столик. — Но я верю адвокату. Которого ты нанял для меня.

— Верь ему, — кивнул Александр. — Он не подведет. Он работает на меня, да. Но он хорош. С ним ты не будешь обманута.

— А если я не подпишу? — спросила я. Не потому, что хотела проверить границы. А потому, что нужно было услышать это. Его ответ.

Он наклонил голову. Медленно. Как зверь, принимающий добычу. И в его глазах мелькнуло то, от чего по моей спине пробежал холод — не страх, что-то другое. Более глубокое.

— Ты подпишешь, — сказал он без тени сомнения. Спокойно, как о погоде. — Потому что твой отец завтра в девять утра должен давать показания в арбитражном суде. Потому что кредиторы уже подали заявки на арест вашей квартиры. Потому что время — деньги, Анна, а у твоей семьи их нет. Совсем. Ты не подпишешь — и через месяц твой отец будет жить на улице. А через два — в тюрьме за мошенничество. Он подписал не те бумаги, да. Но доказывать это — годы. А свобода — сейчас.

Он встал. Медленно, плавно. Подошел к столу, взял ручку. Дорогую, с золотым пером, чернилами цвета запекшейся крови. Вернулся. Протянул мне.

— Подписывай, Анна.

Я смотрела на ручку. На его длинные пальцы, уверенно сжимающие золотой корпус. На контракт, который лежал между нами на столике из темного дерева. В моей голове билась только одна мысль. Не паника. Не страх. Тихий, ледяной голос: «Это конец. Твоей жизни. Твоей свободы. Твоих иллюзий. Но это жизнь твоего отца».

Я взяла ручку. Деревянными, негнушимися пальцами.

— Где подписать?

Александр указал на последнюю страницу. Там уже стояла его подпись — размашистая, уверенная, с завитушками. И круглая печать. Он подписал контракт до меня. Знал, что я не откажусь. Знал, что я сломаюсь. Знал меня лучше, чем я сама.

Я прижала ручку к бумаге. Золотое перо скользнуло по гладкому листу. Чернила легли ровной, аккуратной линией. Мое имя. Анна Сергеевна Воронцова. Последний раз я подписывалась своей девичьей фамилией. Скоро ее сотрут.

Я положила ручку на стол. Откинулась в кресле. Меня трясло. Мелкой, противной дрожью. Александр взял контракт. Пролистал. Проверил. Удовлетворенно кивнул. А потом сделал то, от чего у меня остановилось сердце. Он опустил передо мной на колени.

Я замерла. Воздух в легких кончился. Мир сузился до него. До этого жеста.

Он — Александр Вересов. Человек, чье состояние исчисляется миллиардами. Владелец заводов, газет, пароходов. Человек, перед которым преклоняются министры и банкиры. Он стоял на коленях передо мной, на полу своего кабинета, на дорогом персидском ковре, и смотрел снизу вверх. В его глазах горел такой огонь — не нежность, нет, что-то более первобытное, — что мне стало по-настоящему страшно.

— Теперь ты моя, — сказал он тихо. Очень тихо. Так тихо, что я услышала треск поленьев в камине. — По закону. По контракту. По всем правилам этого мира. С этого момента ты принадлежишь мне.

Он взял мои руки. Сжал. Его ладони были горячими, сухими, сильными. Они накрыли мои дрожащие пальцы, как кандалы. Он поднес мою правую руку к своим губам. И поцеловал запястье. Не так, как целуют руку даме. Не вежливо, не формально. Медленно. Чувственно. С нажимом. Я чувствовала его губы — горячие, сухие, уверенные — на своей коже, там, где

бьется пульс. Чувствовала его дыхание — ровное, горячее. И это было похоже на ожог. На клеймо.

— Я буду ждать, — сказал он, поднимая глаза. Не вставая с колен. Не отпуская моей руки. — До свадьбы я не прикаснусь к тебе. Ты будешь готовиться. Привыкать. Осознавать, что твоя жизнь изменилась навсегда. Но после... — его голос упал до шепота. До хриплого, почти животного шепота. — После ты будешь принадлежать мне полностью. Каждый дюйм твоей кожи. Каждый твой вздох. Каждый стон, который ты подаришь мне ночью.

Он отпустил мою руку. Встал. Отвернулся к камину. Взял с полки бокал с чем-то янтарным — я не заметила, когда он его налил. Сделал глоток. Давая мне время прийти в себя. Я сидела в кресле, вцепившись в подлокотники так, что побелели костяшки. Внутри меня всё дрожало. От страха. От унижения. От злости на саму себя. Потому что, когда он целовал мое запястье, когда его губы касались моего пульса, я почувствовала, как низ живота сжался в тугую, горячий узел.

Мое тело не слушалось меня. Мое тело предавало меня. Оно знало, что этот холодный, собственнический, опасный мужчина — хищник. И почему-то, вопреки здравому смыслу, вопреки страху, вопреки отвращению, которое я пыталась в себе взрастить, оно хотело быть добычей. Оно хотело, чтобы этот хищник сделал с ним то, что обещал его взгляд.

Я ненавидела себя за это.

— Я отвезу тебя домой, — сказал Александр, не оборачиваясь. Его голос снова стал спокойным. Деловым. — Завтра в десять за тобой приедет машина. Мы поедем выбирать платье.

— Свадебное платье? — переспросила я. Голос сел, прозвучал чужим.

Он обернулся. Улыбнулся. Та же холодная, собственническая улыбка, которая не трогала глаз.

— Нет, — сказал он. — Для первого светского выхода. Через неделю у меня ужин с партнерами. Ты будешь рядом. Как моя невеста. Платье для свадьбы я выбрал сам. Его привезут из Милана через три дня.

Он выбрал сам. Конечно. Он будет выбирать всё. Мои платья. Мои туфли. Мои духи. Мою причёску. Мою жизнь. Я больше не хозяйка своей судьбы. Я — вещь. Дорогая, красивая, эксклюзивная. Но вещь.

Я поднялась. Ноги держали плохо — ватные, неверные. Но я заставила себя идти прямо. С поднятой головой. К двери. К выходу из этой комнаты. Из этого дома. Из этой жизни, которая только что кончилась.

— Анна, — окликнул он, когда я взялась за холодную бронзовую ручку.

Я обернулась. Через плечо. Не поворачиваясь всем телом. Маленький жест неповиновения, который он, конечно, заметил.

Он стоял у камина. Огонь освещал его фигуру сзади, превращая в темный, почти демонический силуэт. Лица было не разглядеть — только глаза. Они горели. Горели тем самым голодом, который он так старательно прятал за маской ледяного спокойствия. И теперь, когда контракт был подписан, маска чуть сползла.

— Ты привыкнешь, — сказал он. — Ко мне. К этому дому. К своей новой жизни. А потом... — его голос упал до хрипоты, до шороха, в котором слышалось обещание. Не любви. Владения. — А потом ты захочешь меня сама. Не из благодарности. Не из страха. Из простого, животного желания. Я сделаю так, что без меня ты не сможешь дышать.

Я не ответила. Я вышла. Спустилась по лестнице, считая ступени, чтобы не упасть. Прошла через холл, не глядя по сторонам. И только когда оказалась на улице — в холодном, ветреном апреле, под серым небом — я позволила себе выдохнуть. Выдохнуть так, как выдыхают перед смертью. Или после.

Машина уже ждала. Тот же черный «Мерседес». Тот же молчаливый водитель с лицом наемника. Он открыл передо мной дверь. Я села на заднее сиденье. Закрыла глаза. Прижала ладони к лицу. Они дрожали. Всё мое тело дрожало — крупной, изматывающей дрожью.

«Ты захочешь меня сама».

Он был так уверен. Так пугающе уверен. В его голосе не было сомнения — только знание. Только опыт человека, который привык получать то, что хочет.

И хуже всего было то, что, когда он целовал мое запястье, когда его дыхание касалось моей кожи, когда его темные глаза смотрели на меня снизу вверх — в этот самый момент, в ту долю секунды, я уже хотела. Не его. Не этого человека. Не этого монстра в человеческом обличье. А того, что он обещал. Той темной, опасной, всепоглощающей страсти, которая стояла за его ледяной маской. Того, от чего предупреждают в романах и предостерегают в сказках. Того, что уничтожает.

Я — дура. Я — продажная девка, которая подписала контракт на свою жизнь. Я — тряпка, которая променяла свободу на безопасность отца.

Но хуже всего было то, что мое тело уже подписало другой контракт. С мужчиной, который будет моим мужем. И оно ждало исполнения условий. С нетерпением. С голодом. С тем самым холодным, животным ожиданием, которое я видела в его глазах.

Машина тронулась. Особняк остался позади, скрывшись за деревьями, за поворотом дороги. Я смотрела в окно и не видела дороги. Я видела только его глаза. Темные. Голодные. Обещающие. И я боялась не того, что он сделает со мной. Я боялась, что мне это понравится. Боялась, что он прав. И боялась, что через месяц — через неделю — через день — я сама приду к нему. Не потому, что должна. А потому, что захочу.

Машина везла меня в старую жизнь. Но я уже знала: я вернусь в этот дом. И в следующий раз — не как жертва. А как добровольная пленница.

И это было страшнее всего.

Глава 8

Через неделю после того, как моя подпись застыла внизу контракта, за который мне не заплатили, а просто *приказали* существовать, Александр устроил ужин.

«Познакомишься с моим окружением», — сказал он по телефону. Его голос не предполагал вопросов. Он был ровным, как лезвие гильотины, и таким же окончательным. «Будешь учиться быть моей женой».

Я не хотела.

Я хотела одного: забиться в угол своей съемной квартиры, которая пахнет дешевым стиральным порошком и свободой, обхватить колени руками и забыть. Стереть из памяти дату свадьбы. Заблокировать номер Александра. Раствориться в серых буднях, где никто не требует от меня улыбаться, когда внутри — сплошная пустота.

Но Александр прислал машину за десять минут до назначенного времени. Черный «Мерседес» с тонированными стеклами остановился у подъезда, как ворон, севший на погост. Водитель — мужчина с лицом, не выражающим ничего, кроме усталости — вручил мне коробку.

Коробку от «Dolce & Gabbana».

Я открыла ее трясущимися пальцами. Внутри, на шелковой бумаге, лежало платье. Бордовое, как запекшаяся кровь. Вечернее, длиной в пол, с разрезом до бедра и полностью открытой спиной. Ниже — коробка поменьше, от «Jimmy Choo»: туфли на немыслимой шпильке, больше похожие на орудие пытки, чем на обувь. И третья — самая маленькая, в которую я побоялась заглядывать сразу. А зря. Там оказалось белье. Чёрное, кружевное, прозрачное настолько, что его существование казалось неприличным. Бюстье, которое больше оголяет, чем прикрывает, и стринги, которые даже не стринги, а пара шелковых нитей, соединенных грешным кружевом.

Меня замутило.

Я представила, как Александр выбирал это. Представила его длинные пальцы, перебирающие вешалки в бутике, его ледяные серые глаза, оценивающие, как будет смотреться та или иная ткань на теле, которое он купил. Меня стошнило бы, если бы в желудке хоть что-то было.

Водитель ждал. Терпеливо, как ждут похоронные агенты.

Я взяла коробки, поднялась в квартиру, и первым делом выкинула белье в мусорное ведро. С таким остервенением, будто это была ядовитая змея. Пусть лежит там, среди огрызков яблок и кофейной гущи. Туда ему и дорога.

Я надела свое. Простое черное платье, купленное три года назад в «Н&М» за две тысячи рублей. Оно сидело идеально — не потому, что было дорогим, а потому, что я знала свое тело. Ткань облегла талию, открывала плечи — ключицы, ложбинку, ту самую ложбинку, которую Александр потребовал бы подчеркнуть декольте до пупа. Длина — чуть выше колена. Скромно. Элегантно. По-своему.

Минимум макияжа. Я вообще не умела краситься, как светская львица. Только тушь — два слоя, чтобы глаза не казались испуганными мышами. И помада цвета вишни. Не кроваво-красная, не бордовая — именно вишневая, терпкая, с легкой кислинкой. Как мой характер, который никто не смог сломать. Волосы я распустила. Они упали на спину тяжелой волной — темно-русые, с рыжими искрами, которые появлялись только на солнце.

Перед выходом я посмотрела на себя в зеркало. Не в то, что висело в прихожей, а в старое, треснутое, которое я не выкинула только потому, что оно напоминало: я была целой когда-то. А теперь треснула. Как это зеркало.

— Ты справишься, — сказала я отражению. — Ты всегда справлялась. — Отпращивание, конечно же, мне не ответило.

В машине я села на заднее сиденье, подальше от водителя, и уставилась в окно. Город проплывал мимо — витрины, люди, жизнь, которая продолжалась без меня. У них были заботы: кредиты, любовь, измены, счастье, разводы. У меня — контракт на брак с человеком, который называет меня «экземпляром».

В зеркале заднего вида я поймала взгляд водителя. Он смотрел на меня с чем-то, похожим на сочувствие. Или предупреждение. Я не могла разобрать — его лицо было слишком неподвижным, слишком профессиональным. Но что-то в его глазах... что-то, что говорило: «Не ездь туда, девочка. Там не место таким, как ты».

Особняк встретил меня светом. Он стоял в дальнем конце Рублевки — огромный, белый, с колоннами, с газоном, который стригут каждые три дня, с фонтаном, который не включают, потому что Александр считает журчание воды «вульгарным». Окна горели, как витрины ювелирного магазина. Из распахнутых дверей доносилась музыка — тихая, классическая, безликая. Что-то из Моцарта. Идеальный фон для идеального вечера в идеальном доме идеального человека. Идеальный. Мертвый. Как музейная экспозиция.

Дворецкий — сухой старик с лицом, которое помнило еще советскую элиту — проводил меня в гостиную. Я вошла, и на секунду мне показалось, что я попала на светский раут из глянцевого журнала. Тот самый, где все счастливы, богаты и бессмертны. Хрусталь. Серебро. Фарфор ручной работы. Цветы в высоких вазах — белые орхидеи, по пять тысяч рублей за стебель. Десятки свечей в канделябрах, отливающих золотом. Мужчины в смокингах от Brioni и костюмах от Kiton. Женщины в платьях от Zuhair Murad и Elie Saab — с открытыми спинами, с декольте до пупа, с разрезами, которые оголяли бедра при каждом шаге. Бриллианты на шеях. Улыбки на лицах.

Всё фальшивое. Всё напоказ. Всё — театр, где каждый играет роль, а зрителей нет, потому что зрители — те же актеры.

Я почувствовала себя ряженой.

Глава 9

Александр стоял у камина, окруженный гостями. На нем был темно-серый костюм-тройка, белая рубашка, запонки с рубинами — его любимый камень. Цвета крови. Он выглядел как король — прямой, неподвижный, с легкой улыбкой, которая не трогала его глаз. Улыбка акулы. Улыбка палача, который уверен, что его жертва уже на эшафоте.

Он заметил меня сразу. Я даже не успела сделать шаг. Его глаза скользнули по моему платью — от плеч к талии, от талии к коленям. Оценили. Сравнили с тем бордовым, что он выбрал. Я увидела, как на его лице мелькнуло недовольство — короткое, как вспышка. А потом — что-то другое. Одобрение.

Да, я ослушалась. Да, я надела свое. Но я выглядела так, что он не мог назвать это ошибкой. И еще я увидела голод. Тот самый, который он прятал за маской холодного спокойствия. Голод, который не имел ничего общего с любовью. Только с собственностью. Только с желанием сломать, присвоить, сделать частью себя.

— Моя невеста, — сказал он, когда я подошла. Он взял меня под руку и притянул к себе так резко, что я споткнулась на каблуках. Его пальцы сжали мое запястье — не просто взяли, а сдавили, впились, оставив пять отметин, которые проступят синяками к утру. — Анна.

Я почувствовала боль. Сухую, костяную. Под кожей заныли кости, и я с трудом удержала лицо.

— Очень приятно, — сказала я гостям. Голос не дрогнул. Я научилась этому за последнюю неделю — не показывать, что мне больно.

Гости заулыбались. Кто-то искренне — те немногие, кто еще не забыл, что такое настоящие эмоции. Кто-то с завистью — женщины, которые мечтали оказаться на моем месте, не подозревая, что это место — клетка. Кто-то с любопытством — сплетники, которые уже сейчас прикидывали, сколько я продержусь.

Я кивала. Улыбалась. Пожимала протянутые руки — сухие, горячие, в перстнях и без. Я не запомнила ни одного лица. Только мельтешение масок, только блеск бриллиантов, только запах дорогих духов, смешивающийся с запахом страха. Моего страха. Я чувствовала себя экспонатом в музее. На меня смотрели, меня оценивали, меня обсуждали — за моей спиной, шепотом, но я слышала каждое слово.

— Слишком простая...

— Александр мог найти и получше...

— Интересно, сколько он заплатил...

Никто не знал про контракт. Они думали, я — очередная охотница за деньгами. Они не понимали, что я — заложница.

— Выпьешь? — спросил Александр, поднося к моим губам бокал с шампанским. «Dom Pérignon», 2013 год. Я помнила этикетку, потому что видела такую же в фильме, который смотрела в прошлом году, лежа на диване с чашкой дешевого кофе. Я сделала глоток. Пузырьки обожгли горло — не холодом, а кислотой. Шампанское было идеальным. Но оно не принесло облегчения.

— Расслабься, — шепнул он мне на ухо. Его дыхание коснулось моей шеи, и я почувствовала, как по коже побежали мурашки — не от возбуждения, от отвращения. — Ты слишком напряжена. Люди видят.

— Я не умею притворяться, — ответила я так же тихо. Слова вырвались сами, без фильтра. Глупо. Опасно.

— Научишься, — отрезал он. В его голосе не было угрозы. Была констатация факта. Как у тренера, который говорит новобранцу: «Будешь бегать быстрее». Или умрешь.

После чего, поцеловав меня в висок, он вновь отошел к гостям, оставляя меня одну.

Я осталась стоять у окна, сжимая в пальцах бокал. Хрусталь был холодным, скользким от моих вспотевших ладоней. Я смотрела на сад — на идеально подстриженные кусты, на дорожки, посыпанные белым гравием, на статую какого-то греческого бога без головы. Метафорично. Очень.

Здесь люди говорили о деньгах так, как другие говорят о погоде. «Акции упали» — «Да, ветер сегодня сильный». «Я купил нефтяную компанию» — «Зонт не забудь». Это был другой мир. Мир, где улыбки не касались глаз. Где каждый взгляд был расчетом. Где слова «люблю» не произносили, потому что они были лишними.

Я уже собиралась выйти на террасу — вдохнуть свежего воздуха, подышать без этого коктейля из пота, духов и фальши — когда услышала, как хлопнула входная дверь. Громко. Нагло. Не так, как хлопают вежливые гости. Не так, как хлопают люди, которые боятся потревожить хозяина. Это был удар. Удар, который прозвучал, как выстрел в тишине.

Я обернулась. И замерла. В дверях стоял мужчина.

Он был высоким — под метр девяносто, не меньше. Широкоплечим, с разворотом, который не скрывал даже свободный крой. Волосы — цвета воронова крыла — падали на лоб небрежной прядью, и я увидела, как в этой пряди отражается свет свечей, отливая синевой. На нем была черная кожаная куртка — потертая, с застежкой-молнией, расстегнутая на груди. Под ней — простая белая футболка, обтягивающая мышцы так, что я могла пересчитать каждый кубик пресса, каждое движение его дыхания. Джинсы — потертые, сидящие низко на бедрах, подчеркивающие длинные ноги. Тяжелые ботинки — «Dr. Martens», с белыми шнурками, в грязи, будто он только что перешел через стройку, а не вошел в особняк своего отца.

Он выглядел так, будто только что слез с мотоцикла. Или с войны. Но дело было не в одежде. Дело было в нем. В его лице — резком, хищном, с острыми скулами, которые могли резать стекло. В его челюсти — квадратной, волевой, с легкой щетиной, которая делала его похожим на пирата. В его бровях — чуть сдвинутых, с легкой складкой между ними, которая говорила о том, что этот мужчина привык принимать решения. Быстро. Бесповоротно.

В его глазах. Темно-карих. Почти черных. С таким глубоким, диким огнем, что у меня перехватило дыхание. В них не было тепла. В них не было покоя. В них была буря — та самая, которая срывает крыши и вырывает деревья с корнем.

В его губах. Чувственных. Полных. С четкой линией верхней губы, которую хотелось обвести пальцем. С насмешливым изгибом — кривая улыбка, которая обещала проблемы. Большие проблемы. Те, от которых не отмахиваются, а бегут. Бегут, не оглядываясь.

И в татуировках. Они выглядывали из-под расстегнутого ворота футболки — спускались по шее, по ключицам, по плечам, покрытым смуглой кожей и четким рисунком мышц. Я видела фрагменты: череп с розами, чьи-то крылья, пламя, цифры, которые могли быть датами, имена, которые могли быть проклятиями. Рукава — да, у него были полные рукава татуировок, уходящих под ткань футболки, исчезающих на предплечьях, чтобы снова появиться на пальцах — там, где черной тушью были выведены символы, смысла которых я не понимала.

Я не могла разобрать, что именно набито, но это не имело значения. Татуировки говорили о нем больше, чем любой костюм. Они говорили, что этот мужчина не подчиняется правилам. Он их ломает. Он их переписывает под себя. И если кому-то не нравится — это проблема того, кому не нравится.

Он вошел в гостиную, и воздух изменился.

Глава 10

Воздух стал тяжелее. Плотнее. Будто перед грозой, когда небо темнеет за секунду, и ты знаешь: сейчас ударит. И не спрятаться.

Гости замолчали. Даже музыка, казалось, притихла. Все взгляды — десятки взглядов — устремились на него. Кто-то с неприязнью — старые друзья Александра, которые помнили Кирилла еще мальчишкой и не одобряли его «выбор пути». Кто-то со страхом — те, кто знал, на что способен этот человек. Кто-то с плохо скрытым любопытством — женщины, которые, не отрываясь, смотрели на его руки, на его татуировки, на его губы.

Я смотрела на него, и в голове билась только одна мысль. Она стучала в висках, как молот.

Это он. Это сын. Кирилл.

Он меня не видел. Он шел через комнату, не глядя по сторонам, и я успела рассмотреть, как двигается его тело. Плавно. Опасно. Как у хищника, который знает свою силу и не боится ее демонстрировать. У пантеры. У волка. У того, кто никогда не был жертвой. Его ботинки стучали по паркету — тяжело, уверенно. Каждый шаг — заявление. «Я здесь. Я пришел. Мне плевать, кто что думает».

А потом он поднял голову. И наши взгляды встретились. Мир остановился.

Я не преувеличиваю. Я не пытаюсь быть поэтичной. Я ненавижу эту дешевую романтику — «время замерло», «искра проскочила». Всё это чушь, которую пишут те, кто никогда не чувствовал настоящего удара. Но это было именно так.

Я просто описываю то, что случилось в ту секунду, когда его темные глаза нашли меня среди десятков людей. Среди хрусталя и серебра, среди улыбок и бриллиантов, среди всего этого фальшивого великолепия.

Он смотрел на меня. Только на меня.

Это было как удар током. Как разряд, прошедший через всё мое тело — от макушки до кончиков пальцев, до самых пяток, до каждой клетки, до каждого нервного окончания. Я почувствовала, как волосы на затылке встают дыбом — физически, кожей. Как сердце пропускает удар, замирает на секунду — бесконечную, мучительную — а потом начинает биться с такой силой, что я слышу его в ушах. Гулко. Пульсирующе. Словно кто-то играет на барабанах внутри моего черепа.

Воздух в легких закончился. Я не могла вдохнуть. Я стояла и смотрела в его глаза, и забыла, как дышать. Он замер. Буквально на секунду. Его шаг прервался — ботинок застыл в воздухе, не коснувшись пола. И я увидела, как меняется выражение его лица. От равнодушного — к заинтересованному. От заинтересованного — к голодному.

Его ноздри раздулись. Я видела это — как расширились ноздри, как он втянул воздух, будто принюхиваясь. Будто почувствовал мой запах за метр до того, как я появилась в его поле зрения. Будто я была добычей, а он — хищником, который выслеживал меня всю ночь, а теперь нашел.

Он смотрел на меня. Не как на невесту отца. Не как на гостью. Не как на женщину, с которой нужно быть вежливым. Как на добычу. Как на то, что он хочет. Прямо сейчас. Не спрашивая разрешения.

Я должна была отвести взгляд. Я знала это. Каждая клетка моего тела кричала: «Отведи глаза! Опусть их! Сделай вид, что ты ничего не заметила! Ты невеста его отца, ради всего святого!» Но я не могла. Я смотрела на его губы. На эту насмешливую, чувственную линию. На то, как нижняя губа чуть полнее верхней, как в уголке застыла полуулыбка — дерзкая, порочная. Я смотрела и думала о том, каково это — почувствовать их на своей коже. На шее. На ключицах. На губах.

Господи. *Что со мной не так?*

Я ненавидела его отца. Я подписала контракт, потому что у меня не было выхода. Я была готова к холодному, бездушному браку, к роли декоративной жены, которая улыбается в камеру и молчит, когда нужно.

Я не была готова к нему. К этому мужчине, который смотрел на меня так, будто уже раздел. Будто уже представил, как я стону под ним. Будто уже знал мой вкус.

Он двинулся ко мне.

Медленно. Неспешно. Как будто мы были единственными в этой комнате. Как будто вокруг не было ни гостей, ни отца, ни правил, которые запрещают смотреть на сына жениха так, как я смотрела на него. Как будто весь этот особняк, весь этот фарс, весь этот мир перестал существовать.

Каждый его шаг отдавался у меня в груди. Раз. Два. Три. Он сокращал расстояние, и я чувствовала, как пространство между нами становится меньше, горячее, опаснее.

Он остановился в шаге от меня. Так близко, что я почувствовала жар его тела. Он не прикасался ко мне — нет. Но я *чувствовала* его. Каждый сантиметр его кожи, каждое движение мышц под этой белой футболкой.

Я почувствовала его запах. Кожа — дорогая, итальянская, с нотками дыма и чего-то терпкого. Дорогой виски — «Macallan», не иначе, с тяжелым, солодовым ароматом, который ударил в голову сильнее любого алкоголя. Табак — не сигаретный, а трубчатый, с запахом вишни и виски. И что-то еще. Неуловимое. Дикое. Мужское. То, от чего у меня закружилась голова. То, от чего пересохло в горле, и я сглотнула — громко, предательски — привлекая внимание к своему состоянию.

Он заметил. Конечно, заметил. Он всё замечал.

— Ты, должно быть, Анна, — сказал он, и его голос оказался таким же, как он сам. Низким. Хриловатым. С насмешливыми нотками, которые скользили по коже, как лезвие. Голос человека, который привык получать то, что хочет. Который никогда не слышал слова «нет». Или слышал, но не принимал.

Я кивнула. Не могла выдавить ни слова. Мой язык прилип к небу, горло сжалось спазмом.

— Кирилл, — представился он, хотя я и так знала. — Сын хозяина дома.

Он сказал это с такой интонацией, будто «сын хозяина дома» было оскорблением. Будто он презирал эту роль. Будто хотел от нее откреститься, но не мог.

— Я знаю, — наконец сказала я, и мой голос прозвучал хрипло, как после долгого молчания. Как у человека, который только что очнулся от наркоза.

Он улыбнулся. И эта улыбка была опаснее всего, что я видела в этом доме. В ней не было тепла. В ней не было дружелюбия. В ней был вызов. И обещание. Обещание, от которого у меня подогнулись колени.

— Значит, ты та самая, — протянул он, скользя взглядом по моему лицу.

Глава 11

Он не торопился. Он изучал меня так, как искусствовед изучает картину, которую хочет купить. Скулы — слишком острые, не модельные. Глаза — слишком большие, слишком зеленые, с крапинками, которые становятся золотыми на свету. Шея — длинная, с бьющейся жилкой, которую он, кажется, видел так же четко, как я видела пульсацию у себя на висках. Его взгляд опустился ниже. Ключицы — выступающие, хрупкие. Ложбинка — там, где платье открывало кожу. Он задержался там на секунду дольше, чем следовало, и я почувствовала, как моя грудь наливается тяжестью, как соски твердеют под тканью платья.

Нет. Только не это. Только не здесь. Только не перед ним.

Он посмотрел на мои руки — на пальцы, где сверкало обручальное кольцо. Огромный бриллиант в платиновой оправе. Клеймо «Cartier». Подарок Александра, который я ненавидела всем сердцем. Камни давили на кожу, напоминая о цепочке, которую я на себя надела.

— Невеста моего отца, — сказал он, и в его голосе не было уважения.

Было что-то другое. Неприятие — да, определенно. Насмешка — та самая кривая улыбка говорила об этом. Но еще... что-то, что заставило меня замереть. Ревность? Не может быть. Он видел меня впервые. Он не имеет права ревновать. Он сын. Я — невеста его отца. Между нами не может быть ничего, кроме вежливого безразличия. Но его глаза горели. Не холодным огнем Александра. Живым. Диким. Бешеным.

— А ты его сын, — ответила я, стараясь говорить спокойно. Мой голос дрожал — я знала, что он слышит эту дрожь. Но я не могла ее остановить. — Тот, который не приходит на семейные ужины.

Он хмыкнул. Коротко, резко. Как выстрел.

— Я не люблю фальшивые сборища, — сказал он, обводя рукой гостиную. Я проследила за его жестом — длинные пальцы, татуировки на костяшках, чистая линия ногтей. Руки, которые умеют не только держать бокал с виски. — Все эти люди... они приходят, потому что должны. Потому что отец позвал. Потому что боятся отказать. Знаешь, как называются такие сборища? Цирк. А мы — клоуны.

— А ты не боишься? — спросила я, и в моем голосе прозвучала дерзость, которой я не чувствовала. Дерзость, которую я выудила со дна души, где хранились остатки моей гордости. — Не боишься отказать?

Он посмотрел на меня внимательнее. Прищурился, и в глубине его темных глаз вспыхнуло что-то живое. Интерес. Не тот голодный, животный, что был секунду назад. Другой. Человеческий.

— А ты смелая, — сказал он. — Или глупая.

— И то, и другое, — ответила я.

Он рассмеялся. Тихо. Низко. Так, что вибрация его голоса прошла сквозь меня, заставляя внутренности сжаться в тугий узел. Я почувствовала, как низ живота отозвался на этот смех — горячий, тянущей волной. Как мышцы бедер напряглись, как стало трудно стоять на этих проклятых шпильках. Боже. Я реагировала на него. Физически. Телесно. Так, как никогда не реагировала ни на одного мужчину.

— Мне это нравится, — сказал он, делая шаг ближе.

Теперь между нами было не больше полуметра. Я чувствовала жар его тела — он бил в меня волнами, как от печки. Слышала его дыхание — ровное, глубокое, но с легкой хрипотцой. Видела, как пульсирует жилка на его шее — там, где заканчивалась татуировка, переходя в чистую смуглую кожу.

— Ты не похожа на тех кукол, которых он обычно приводит, — сказал он, и в его голосе прозвучало презрение. Не ко мне. К ним.

— Обычно приводит? — переспросила я, чувствуя, как внутри поднимается волна чего-то горького.

Ревность. Это была ревность. Ко мне? К нему? К его отцу, который, оказывается, «обычно приводит» кукол? Я не должна была ревновать. Александр мне никто. Просто контракт. Просто сделка. Но внутри зажглось. Острое, неприятное, липкое.

— Не важно, — отрезал он, и его взгляд снова упал на мои губы. — Важно то, что ты здесь. И что ты носишь его кольцо. — Он кивнул на мой палец. Я сжала пальцы в кулак, пряча кольцо. Бесполезно — бриллиант сверкнул в свете свечей, предательски отражая огоньки.

— Это ничего не значит, — сказала я. — Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать. Они были правдой. Слишком большой правдой. Правдой, которую нельзя произносить вслух в доме, где у стен есть уши. Где каждый шепот становится доносом. Но я сказала. Потому что смотрела в его глаза и забывала о последствиях.

— О, я уверен, что это значит очень много, — ответил Кирилл, и его губы изогнулись в той же опасной усмешке. — Для него. А для тебя?

Я не успела ответить.

— Кирилл.

Голос Александра разрезал воздух, как ножом. Холодный. Спокойный. С металлическими нотками, от которых по спине пробежал мороз. Это был голос человека, который привык, чтобы его боялись. Который знал, что одно слово — и ты исчезнешь. Без следа. Без протокола.

Кирилл не обернулся. Он продолжал смотреть на меня, и я видела, как в его глазах что-то меняется. Голод не уходит — он прячется глубже, становясь опаснее. И только через секунду, когда отец подошел почти вплотную, Кирилл медленно, нехотя повернулся.

— Отец, — сказал он, и в его голосе не было ни капли уважения. Только насмешка. Только вызов. Только «я здесь, потому что сам решил, а не потому что ты позвал». — А я думал, ты забыл пригласить меня.

— Ты опоздал, — Александр остановился рядом со мной и положил руку мне на талию. Я вздрогнула. Его пальцы — холодные, длинные — легли на мое тело, и это было не прикосновение мужчины к женщине. Это была маркировка территории. «Моя. Не трогать. Не смотреть. Не дышать в ее сторону». — И ты не представился моей невесте.

— Мы уже познакомились, — ответил Кирилл, переводя взгляд с отца на меня и обратно. И в этом взгляде было что-то такое, что заставило Александра напрячься. Я почувствовала, как его пальцы впиваются в мою талию — сильно, до хруста. Завтра здесь будут синяки. Я уже знала.

— Она... интересная, — добавил Кирилл, и его губы дрогнули в улыбке. Не той, насмешливой. Другой. Той, что говорила: «Я заметил. Я оценил. Я не отступлю».

Глава 12

Александр напрягся еще сильнее. Его лицо оставалось непроницаемым — маска, которую он надевал для света. Но в глазах — в этих темно-серых глазах, похожих на грозовые тучи — вспыхнуло что-то опасное. То, что я видела только раз. Когда его человек ошибся, перевел деньги не на тот счет. Александр тогда улыбнулся. А на следующий день того человека не стало.

— Анна, — сказал он, и его голос звучал ровно, но я слышала сталь под этой ровностью. Сталь, заточенную до бритвенной остроты. — Познакомься, это мой сын. Кирилл. Кирилл, это Анна. Моя будущая жена. Будь вежлив.

— Я всегда вежлив, — усмехнулся Кирилл.

И в этой усмешке было столько вызова, столько запретного, столько «ты мне не указ», что у меня перехватило дыхание. Я стояла между ними — отцом и сыном — и чувствовала, как между ними пробегает электричество. Не то, что было между мной и Кириллом. Другое. Враждебное. Опасное.

Искры, от которых могла загореться спичка. Ненависть, которая копилась годами. Соперничество, которому нет названия.

— Пойдем, — сказал Александр, сжимая мою талию так, что я едва не вскрикнула. — Я познакомлю тебя с остальными гостями.

Он повел меня прочь, и я послушно пошла — потому что некуда было деваться, потому что он сжимал меня, как тисками, потому что я чувствовала, что если послушаюсь, будет хуже. Но на полпути я обернулась. Не смогла удержаться. Как наркоман, который знает, что доза убьет его, но все равно тянется.

Кирилл стоял на том же месте. Он не двинулся с места. Не сделал шага к отцу, не попытался влиться в толпу гостей. Он стоял и смотрел мне вслед. И в его взгляде было то, от чего у меня загорелась кожа. Голод. Да. Одержимость — определенно. Но еще что-то... что-то, что я не могла распознать. Темная, опасная нежность, которой не должно было быть между людьми, которые вот-вот станут родственниками.

Он поднял руку. Медленно, нарочито медленно, чтобы я видела каждое движение. Коснулся своих губ — тех самых, на которые я не могла перестать смотреть — и послал мне воздушный поцелуй. Нагло. Дерзко. Непристойно. Как будто мы были не на светском ужине, а в ночном клубе. Как будто его отец не стоял в трех метрах, сжимая мою талию. Как будто ему было плевать.

Мне стало жарко. Лицо горело, шея горела, грудь горела — там, где белье касалось кожи, казалось, что оно вот-вот воспламенится. Я отвернулась, чувствуя, как колотится сердце. Как внутри меня разгорается что-то запретное, постыдное, что не должно было появиться. Червь, который грызет изнутри. Жар, который не остудить. Я — невеста его отца. Я подписала контракт. Я продала себя. Но мое тело не знало о контрактах. Оно знало только то, что мужчина, который смотрел на меня с голодом в глазах, заставил меня забыть, как дышать.

Александр что-то говорил. Представлял меня каким-то людям — банкирам, политикам, олигархам, чьи лица сливались в одно пятно. Я кивала, улыбалась, пожимала руки, но не слышала ни слова. Мои уши были заняты другим — биением собственного сердца, тяжелым дыханием, которое я пыталась скрыть.

Я чувствовала только взгляд в спину. Тяжелый. Горячий. Прожигающий. Он буравил меня между лопаток, спускался ниже, к талии, к пояснице, туда, где платье облегалo ягодичы. Я знала, что он смотрит. Я чувствовала его взгляд кожей, как солнечный ожог.

И когда через полчаса я снова обернулась — не удержалась, как мазохист, который сам тянется к боли — Кирилла в гостиной уже не было. Но запах его парфюма остался. Кожа, виски, табак, опасность. Он висел в воздухе, смешиваясь с ароматом орхидей и дорогих духов, и я не

могла от него избавиться. Я вдыхала его снова и снова, как последний раз, и понимала, что запомню этот запах навсегда. Как и ощущение, что моя жизнь только что свернула на темную, опасную дорогу. И что этот мужчина — тот, кого не должно быть — станет моим проклятием. Или моим спасением. Я не знала, что хуже.

Ужин закончился поздно.

Гости разъехались после полуночи, оставив после себя горы посуды, запах сигар и тишину, которая давила на уши. Я стояла у выхода, вцепившись в сумочку, и мечтала только об одном — оказаться в своей квартире. Снять эти туфли. Смыть эту улыбку. Забыть этот вечер.

— Ты сегодня была прекрасна, — сказал Александр, провожая меня до машины.

Он поцеловал меня в щеку. Холодно. Собственнически. Как целуют дорогую вещь, которой пользуются, но не любят. А потом его пальцы сжали мой подбородок, заставляя поднять голову. Его серые глаза впились в мои, и в них не было ничего, кроме льда.

— Но в следующий раз не смотри на моего сына так, как смотрела сегодня. — У меня замерло сердце. Пульс остановился на секунду, а потом забился с бешеной силой — где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев.

— Как? — спросила я. Голос звучал ровно. Я гордилась собой. Я не показала страха. Не показала паники. Не показала ничего. Но Александр знал. Он всегда знал.

— Так, что дает ему возможность тебя у меня украсть, — ответил он, и в его глазах вспыхнуло что-то темное. То, от чего кровь стынет в жилах. — Я не делюсь, Анна. Запомни это.

Он захлопнул дверцу машины, и «Мерседес» тронулся. Я смотрела в окно на удаляющийся особняк — белый, холодный, похожий на мавзолей — и чувствовала, как по щеке скатывается слеза. Я не плакала от страха. Я не плакала от унижения. Я плакала от того, что знала: я уже посмотрела. Я уже захотела. Я уже украла в своей голове то, что никогда не посмею взять в реальности.

Кирилл Вересов. Мужчина, который заставил меня забыть, как дышать. Мужчина, который смотрел на меня как на добычу. Мужчина, который посмел послать воздушный поцелуй невесте своего отца. Он — сын моего жениха. И я обречена.

Машина выехала за ворота, и в темноте ночи мне показалось, что я увидела силуэт. Темный. Высокий. С горящим огоньком сигареты. Он стоял у дерева, на границе света и тьмы, и смотрел мне вслед. Я зажмурилась.

А когда открыла глаза — его уже не было. Только сигаретный дым, медленно тающий в ночном воздухе. Как обещание. Как угроза. Как грех, который я не могу себе позволить, но уже совершила.

От автора

Встречайте все книги литмоба "Цена Любви"

<https://litnet.com/shrt/fB7z>

1. Сладкая Арман "Невеста его отца"

<https://litnet.com/shrt/WTgj>

2. Миранда Шелтон "Нам нельзя. Сын моего жениха"

<https://litnet.com/shrt/gO6k>

3. Юлия Гойгель "Сын мужа. Научи меня любить"

<https://litnet.com/shrt/o8NH>

4. Катя Островская "Любовь вне правил"

<https://litnet.com/shrt/bEqj>

5. Вера Рудецкая "Цена одного "Да". Невеста отца"

<https://litnet.com/shrt/OzKM>

6. Бэта Джейн "Пять лепестков на удачу"

<https://litnet.com/shrt/UWu8>

7. Люда Вэйд "Тебя не отпускаю"

<https://litnet.com/shrt/6rYe>

8. Зоя Берг "Невеста волка"

<https://litnet.com/shrt/XR3i>

9. Лебрута алей Ла, Майя Но "Ты (не) мой Сулейман"

<https://litnet.com/shrt/zOkC>

10. Мари Скай "Двойной капкан"

<https://litnet.com/shrt/Fshr>

11. Настя Перова "Ты будешь моей"

<https://litnet.com/shrt/Agi1>

12. АрмИя Бога "Запретная тема"

<https://litnet.com/shrt/G824>

13. Майя Рид "Чужая невеста. В плену у любви"

<https://litnet.com/shrt/bq6->

14. Ванесса Рай "Нежеланная. Моя навеки"

<https://litnet.com/shrt/j-Z0>

15. Нина Харт "Диана"

<https://litnet.com/shrt/U05S>

16. Вивиана Торн "За гранью запрета"

<https://litnet.com/shrt/7T6h>

ПРИЯТНОГО ЧТЕНИЯ!

Глава 13

Через два дня после той встречи, которая перевернула всё, что я знала о себе, Александр позвонил ровно в полдень. Его звонок разрезал тишину моей маленькой кухни, как скальпель, и я вздрогнула, хотя ждала его. Я ждала его, как ждут приговора.

— Сегодня семейный ужин. Ты приедешь. Кирилл тоже будет.

Он произнес это тем самым тоном, которым отдают распоряжения о погрузке товара или подписании многомиллионного контракта. Тонем, не терпящим сослагательного наклонения. Будто не было той сцены в гостиной. Будто он не видел, как его сын смотрел на меня, а я — на Кирилла. Будто воздух между мной и его наследником не был пропитан электричеством и запахом надвигающейся катастрофы. Или он видел. Видел всё. И именно поэтому звонил сейчас — чтобы расставить фигуры на доске и показать, кто делает ход первым.

Я открыла рот, чтобы солгать. Сослаться на мигрень, на срочный проект, на внезапную эпидемию чумы в моем районе — на что угодно, лишь бы не переступить снова порог того особняка. Но Александр, как всегда, опередил мою жалкую попытку к сопротивлению.

— Машина будет в семь, — отрезал он, и в динамике раздалась короткая гудка. Ни «до свидания», ни «я соскучился». Только власть, завернутая в оболочку из дорогой телефонной связи.

Я так и осталась стоять посреди кухни, прижимая к уху замолчавший телефон. Пальцы дрожали, и я чувствовала, как внутри, в районе солнечного сплетения, зарождается тугая, пульсирующая волна паники. Она поднималась вверх, к горлу, мешая дышать.

Семейный ужин. Отец. Сын. И я — между ними. Как кость, брошенная в клетку с двумя голодными псами, которые сначала растерзают добычу, а потом вцепятся друг другу в глотки.

Я подошла к зеркалу в прихожей. Из глубины запыленного стекла на меня смотрела испуганная девочка, которой я поклялась больше никогда не быть. Нет. Так не пойдет. Если я иду на эту войну, я надену лучшие доспехи.

Я вытащила из шкафа то самое черное платье. То, что было на мне во время светского приема, когда Александр впервые посмотрел на меня не как на дизайнера, а как на женщину. Платье, в котором я чувствовала себя одновременно голой и неуязвимой. Не потому, что хотела понравиться. А потому что в гардеробе скромного дизайнера не было другой вещи, способной выдержать давление этого дома, где каждая складка на скатерти кричит о миллионах, а каждая царапина на паркете — о вековой истории.

Я собиралась медленно. Ритуал одевания стал моей медитацией перед казнью. Шелк скользнул по бедрам холодной лаской, обтянул грудь, спрятал дрожащие колени. Волосы я зачесала в тугую, низкий узел — строго, как у виолончелистки перед выходом на сцену. Только у виска оставила тонкую прядь, которая падала на скулу, смягчая резкость линий. Макияж: тонкая стрелка, тронутые румянами скулы и помада цвета запекшейся крови. Всё. Я была готова.

Ровно в семь водитель, больше похожий на сотрудника службы безопасности, распахнул передо мной дверь черного «Мерседеса». Салон пах кожей и каким-то тяжелым, мужским парфюмом — аромат Александра вьелся в подголовники. Всю дорогу до особняка я смотрела на мелькающие за тонированным стеклом фонари и сжимала замшевый клатч с такой силой, что на ладони остались красные полумесяцы от ногтей.

Особняк встретил меня не ярким светом, а приглушенным золотом. Так горят свечи в церкви перед исповедью. Дворецкий, чье лицо напоминало восковую маску, бесшумно провел меня в столовую. Я замерла на пороге.

Это была комната-демонстрация. Огромный стол из мореного дуба, рассчитанный на двадцать персон, но сегодня сервированный лишь на три прибора. Два с одной стороны, один — напротив. Белая, как первый снег, скатерть. Серебро с вензелями рода Волковых, тяжелый хрусталь, в котором дробился свет свечей, и три высоких подсвечника, стоящих ровно по центру. Это было идеально. Слишком идеально. Так идеально, что становилось тошно. Как в склепе.

— Анна.

Голос Александра раздался из глубины комнаты. Он поднялся с места во главе стола. На нем был темно-синий, почти черный, костюм, сидящий так, будто его шили прямо на теле. Белая рубашка, галстук цвета мокрого асфальта. Он был гладко выбрит, идеально причесан, и от него веяло ледяным спокойствием айсберга.

Он подошел ко мне, и я почувствовала запах его одеколона — терпкий, властный. Александр же в это время взял мою руку в свою. Его пальцы были сухими и горячими. Он поднес мою ладонь к губам, но не поцеловал, а лишь коснулся дыханием кожи. От этого интимного, почти неуловимого жеста у меня по спине побежали мурашки.

— Ты прекрасна, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. В его голосе не было ни капли восхищения. Только констатация факта и легкий оттенок собственнической гордости. — Садись.

Он лично отодвинул для меня тяжелый стул — справа от себя, поближе к своему трону. Я села, расправив плечи, как учила мама, и спрятала руки под стол, сцепив их в замок. Пусть не видит, что они дрожат.

— Кирилл опаздывает, — заметил Александр, бросив взгляд на массивный «Ролекс» на запястье. В его голосе не было раздражения. В нем было предвкушение. Жестокое, холодное предвкушение человека, расставившего ловушку.

— Как обычно, — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

Глава 14

Александр медленно повернул голову. Его взгляд, серый, как сталь клинка, прошелся по моему лицу. Он смотрел долго, с прищуром, сканируя каждую мою пору.

— Ты успела его изучить? — спросил он тихо, но каждое слово падало тяжело, как камень в воду. Кровь прилила к моим щекам. Я почувствовала, как запылали уши. Нужно было срочно спасать положение.

— Мы обменялись парой фраз, — я постаралась придать голосу максимум равнодушия, рассматривая собственное отражение в ложке. — Этого достаточно, чтобы понять, что он не любит пунктуальность.

— Он не любит быть там, где я, — поправил меня Александр. Он взял бутылку вина и сам наполнил мой бокал ровно на треть. — Но сегодня он придет. Потому что я попросил.

Я не сдержала усмешки, тут же спрятав ее за бокалом. Попросил? Нет. Он приказал. Он вызвал его, как вызывают на дуэль. И я — пистолет, который должны зарядить. В этот момент я почувствовала его. Еще до того, как увидела. Воздух в столовой вдруг сгустился, стал вязким и жарким, как перед летней грозой. В висках застучало. Я подняла глаза, и ложка звякнула о край тарелки.

Кирилл стоял в дверном проеме, лениво прислонившись плечом к резному косяку. Он не вошел — он втек в комнату, заполнив собой всё пространство. Он был одет иначе, чем в прошлый раз. Сегодня на нем была черная рубашка из плотного хлопка, расстегнутая на две верхние пуговицы. Я видела его ключицы, резкие, как лезвия, и край татуировки, уходящей змеей на грудь. Черные брюки, заправленные в тяжелые армейские ботинки. В этом дворце, полном серебра и шелка, он выглядел как варвар, которого случайно пригласили на званый вечер. Волосы были влажными, темные пряди падали на лоб, и я поймала себя на мысли, что хочу убрать их с его лица. Но самое страшное — его глаза. Они нашли меня мгновенно, выхватили из полумрака, как прожектор. В них плескался тот самый голод, который я запомнила наизусть. Дикий, неприкрытый, животный голод.

— Простите за опоздание, — его голос, низкий, с хрипотцой, прокатился по комнате. Он не смотрел на отца. Он смотрел только на меня. — Пробки.

— Садись, — Александр указал на стул напротив меня, и в этом жесте было что-то от дрессировщика, тыкающего палкой в льва. — Мы ждали только тебя.

Кирилл двинулся к столу. Я не могла отвести от него взгляда, как кролик от удава. Он шел плавно, опасно, каждое его движение было пропитано скрытой угрозой и невероятной, магнетической силой. Он опустился на стул напротив, и теперь нас разделяли лишь два метра белой скатерти, серебро приборов и три дрожащих огонька свечи.

— Анна, — он произнес мое имя так, словно пробовал на вкус дорогое вино. Звук получился обволакивающим, глубоким, он проник мне под кожу и разлился теплом внизу живота. — Рад видеть тебя снова.

Я сглотнула. Горло пересохло, словно я наелась песка.

— Кирилл, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но проклятая хрипотца выдала меня с головой. — Взаимно.

Он улыбнулся. Медленно, растягивая губы, обнажая ровный ряд зубов. Это была не улыбка — это был оскал хищника, почуявшего страх жертвы. Александр поднял бокал. Звон хрусталя разрезал вязкую тишину.

— За семью, — произнес он громко и торжественно. Слишком громко для этой гробовой тишины. — За то, что мы вместе.

— За семью, — эхом отозвался Кирилл, поднимая свой бокал. Он смотрел на меня поверх ободка, и в его тоне сквозила такая вселенская насмешка, что я едва не поперхнулась, хотя еще даже не пригубила шампанское.

Мы выпили. Пузырьки газа ударили в нос, алкоголь побежал по венам, но облегчения не принес. Наоборот, нервы натянулись еще сильнее.

— Анна, расскажи о себе, — Кирилл откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу. Его поза была нарочито расслабленной, но взгляд оставался цепким. — Я знаю только официальную версию: дизайнер, двадцать пять, согласилась выйти за старика. Хочу узнать детали.

При слове «старик» вилка в руке Александра замерла на полпути ко рту, но он промолчал. Только желваки заходили ходуном под гладкой кожей.

— Что именно тебя интересует? — спросила я, беря вилку. Руки нужно было занять, чтобы не выдать дрожи.

— Всё, — Кирилл подался вперед, и свеча осветила его лицо снизу, делая его еще более резким, демоническим. — Почему «да»? Почему так быстро? Ты влюбилась? Или тебя впечатлили его деньги?

Его взгляд скользнул по моим пальцам, по запястью, поднялся к шее. Я кожей чувствовала траекторию этого взгляда, он обжигал.

— Кирилл, — голос Александра стал похож на удар хлыста. — Ты забываешься.

— Я интересуюсь, — парировал Кирилл, даже не взглянув на отца. Он смотрел только на меня. — Мы же семья. А семья, отец, должна знать друг о друге всё. Каждую родинку. Каждый секрет.

Я почувствовала, как под столом начинают дрожать колени. Не от страха. От напряжения, которое висело в воздухе, как электричество перед ударом молнии.

— Я здесь, потому что Александр сделал мне предложение, — я говорила медленно, подбирая каждое слово, как сапер подбирает мину. — И я его приняла. Это мое личное, осознанное решение.

— Решение... — Кирилл словно выплюнул это слово. В его глазах мелькнула горечь, старая, застарелая обида. — Интересный выбор слов, Анна.

— Кирилл, достаточно, — Александр положил ладонь на стол. Звук был глухим, угрожающим. — Анна — моя невеста. И ты не будешь устраивать ей допрос в моем доме.

— В нашем доме, — поправил Кирилл, и его глаза сверкнули в полумраке опасным огнем. — И я не допрашиваю. Я пытаюсь понять, кого ты привел в *нашу* семью.

— Ты узнаешь ее, — отрезал Александр ледяным тоном. — В свое время. А сейчас мы будем ужинать в тишине.

Повисла пауза. Тяжелая, давящая, заполненная лишь звоном серебра о фарфор. Я смотрела в свою тарелку с каким-то изысканным супом-пюре, чувствуя, как взгляд Кирилла прожигает во мне дыру на уровне декольте. Есть не хотелось. Хотелось вскочить и бежать без оглядки. Но понятное дело, мне никто не позволил бы это сделать.

А потом началось то, чего я точно ожидать никак не могла.

Глава 15

Сначала я подумала, что мне показалось. Что это край тяжелой скатерти коснулся лодыжки. По коже пробежал холодок, но я списала это на нервы. Но прикосновение повторилось. Легкое, почти невесомое, но уверенное. Носок ботинка. Горячий даже через ткань моих тонких чулок. Он коснулся моей щиколотки.

Я замерла. Спина одеревенела, превратившись в натянутую струну. Я боялась поднять глаза, боялась вдохнуть. Сердце грохотало так, что мне казалось, Александр слышит этот стук через весь стол. Я знала, чья это нога. Александр сидел справа, его ноги были вытянуты в сторону камина. Кирилл сидел напротив. И его нога сейчас медленно, дюйм за дюймом, скользила вверх по моей икре.

Я резко вскинула голову.

Кирилл смотрел на меня. Его лицо было маской спокойствия. Он поднес бокал к губам, сделал маленький глоток, глядя мне прямо в зрачки. Только уголок его рта, тот самый, с маленьким шрамом, чуть дрогнул в усмешке. Он наслаждался. Он знал, что я чувствую, и наслаждался моей беспомощностью.

Я попыталась отодвинуть ногу в сторону, прижаться к ножке стула. Но он сжал мою лодыжку уже двумя ногами. Не больно, но стальной хваткой. Пальцы его ног — я даже через замшу туфель чувствовала их жар — сомкнулись, удерживая меня на месте, словно капкан. А затем его одна стопа скользнула выше. По икре. К колену.

— Анна, ты не ешь, — голос Александра раздался как выстрел в тишине.

Я вздрогнула всем телом, едва не выронив ложку. Под столом ноги Кирилла замерли на моей коленной чашечке, поглаживая ее круговыми движениями.

— Просто задумалась, — мой голос прозвучал пискляво, неестественно. Я схватила ложку и зачерпнула суп. Рука дрожала.

Кирилл же не останавливался. Его большой палец на ноге нашел ложбинку под моим коленом и надавил. Чуть-чуть. Обещающе. Я почувствовала, как по внутренней стороне бедра разливается предательский жар, сладкая истома, которой там быть не должно.

— Ты выглядишь напряженной, — заметил Александр, и в его серых глазах мелькнуло подозрение. Он отложил нож и пристально посмотрел на мое пылающее лицо. — Что-то случилось? Тебе нездоровится?

— Всё так, — я выдавила из себя улыбку, больше похожую на гримасу боли. — Просто немного устала на работе. Тяжелый проект.

В этот момент Кирилл, воспользовавшись тем, что отец отвлекся на мои слова, снова двинул ногой. Теперь он не просто касался. Его нога уверенно скользнула по внутренней стороне моего бедра, раздвигая колени, забираясь под подол платья. Я едва не застонала, закусив губу изнутри так сильно, что почувствовала вкус железа.

— За красивую мачеху, — вдруг провозгласил Кирилл, поднимая бокал. Его голос звучал нагло, громко, он перекрывал стук моего сердца. — Пусть она принесет в наш дом счастье. Настоящее, дикое счастье.

— За счастье, — сухо согласился Александр, поднимая бокал.

Я тоже подняла свой. Пальцы ходили ходуном, шампанское выплескивалось на пальцы. Я поднесла бокал к губам, сделала глоток, и в это мгновение ноги Кирилла сжали мое бедро — резко, сильно, до боли. Его пальцы впились в нежную плоть, оставляя обещание синяка. Оставляя метку.

Я поперхнулась. Шампанское попало не в то горло, и я закашлялась, задыхаясь, хватая ртом воздух. Александр тут же подался ко мне, хлопая по спине тяжелой ладонью.

— Тише, тише, — его голос был полон участия, но в глазах горел холодный анализ. — Что с тобой сегодня?

— Всё хорошо, — прохрипела я, вытирая губы накрахмаленной салфеткой. На белой ткани остался алый след помады. — Просто не туда пошло.

Я подняла взгляд на Кирилла. Он сидел, вальяжно откинувшись на стуле, и улыбался. Открыто. Нагло. С вызовом. Его нога больше не двигалась, она просто лежала на моем бедре — тяжелая, горячая, непристойная, как упавшее знамя захватчика.

Я смотрела в его черные глаза через стол, через свечи, через ложь и приличия, и чувствовала, как внутри меня, в самой глубине утробы, разгорается пожар. Я ненавидела его за это прикосновение. И ненавидела себя за то, что мое тело отвечало ему. За то, что там, внизу, стало влажно и тесно. За то, что я хотела, чтобы его нога поднялась еще выше. За то, чтобы это была уже не нога, а рука.

Остановись. Ты сходишь с ума.

Я жала бедра, резко сведя колени, и вывернулась из его хватки. Кирилл поднял бровь, изображая удивление, но убирать ногу не спешил.

— Расскажи о своем бизнесе, Кирилл, — я почти выкрикнула эти слова, чтобы разбить тишину. — Александр говорил, у тебя своя компания.

— Была, — он усмехнулся, и в его голосе снова зазвенела горечь. — Отец предпочитает, чтобы я работал на него. В роли мальчика на побегушках. Чтобы я был на коротком поводке.

— Ты работаешь на отца? — я ухватила за эту тему, как утопающий за соломинку. — И чем именно ты занимаешься?

— Я делаю вид, что работаю, — Кирилл взял нож и провел лезвием плашмя по своей ладони, задумчиво глядя на сталь. — А он делает вид, что я ему нужен. У нас идеальный симбиоз.

— Кирилл, — рыкнул Александр. — Прекрати паясничать.

— А что не так? — Кирилл вскинул на отца взгляд, полный льда и ярости. — Ты же сам хотел семейный ужин. Ты хотел, чтобы мы все сидели за этим чертовым столом и делали вид, что мы нормальные люди. Так вот мы сидим. Она — твоя красивая кукла, я — твой непокорный щенок. Давай, улыбайся. Мы же все делаем, что ты хотел. Так какие еще у тебя к нам вопросы?

Глава 16

— У нас всё гладко, пока ты не начинаешь эту тему, — голос Александра звенел от напряжения.

— Всё гладко? — Кирилл расхохотался. Звук был резким, неприятным. — У нас ничего не гладко с того дня, как умерла мама. И ты прекрасно это знаешь. И она, — он кивнул на меня, — знает. По ней видно. Она чувствует, что вляпалась в дерьмо.

Под столом его нога снова нашла мою. Теперь он не ласкал. Он наступил мне на ногу — жестко, придавливая к полу, показывая, что он здесь хозяин положения, пока отец читает морали.

— Ты сегодня пьешь больше обычного, — заметил Александр, прищурившись.

— Есть повод. У моего отца молодая, сочная жена, — Кирилл снова поднял бокал, и его пальцы с вытатуированными на костяшках буквами сжали ножку бокала с такой силой, что я испугалась, что хрусталь лопнет. — Разве не за это пьют?

Я смотрела на его руки. Длинные пальцы, сильные запястья, вены, проступающие под смуглой кожей, и татуировки, уползающие под манжету. Я представляла, как эти руки будут сжимать мою шею. Не душить, нет. Просто держать. Властно. Крепко. Так, чтобы я перестала дышать от желания. *Господи, что со мной не так?*

— Ты покраснела, Анна, — голос Александра был как ведро ледяной воды за шиворот. — Щеки горят.

Я машинально прижала ладони к лицу. Кожа пылала.

— Здесь очень душно, — пробормотала я. — Слишком много свечей. Можно открыть окно?

— Я открою, — Кирилл поднялся резко, отшвырнув салфетку. Его нога исчезла с моей ступни, и я выдохнула с тихим стоном облегчения, который, надеюсь, никто не услышал. Он подошел к огромному, в пол, окну и распахнул створку. Ночной воздух, сырой и холодный, ворвался в комнату, колыхнул пламя свечей. Я смотрела на его широкую спину, обтянутую черной тканью, на то, как перекачиваются мышцы под рубашкой. Он стоял, уперев руки в подоконник, и смотрел в темноту сада. Профиль — жесткий, непримиримый. Парень, который вырос в золотой клетке и возненавидел своего тюремщика.

Он вернулся к столу, но не сел на свое место напротив. Вместо этого он подошел ко мне. Близко. Слишком близко. Я почувствовала запах его кожи — сандал, табак и что-то звериное. Он наклонился, якобы за упавшей салфеткой, и его дыхание обожгло мое ухо.

— Смелая, — прошептал он одними губами, так, чтобы не услышал отец, который в этот момент разливал вино по бокалам. — Не отдернула ногу. Мне это нравится. Но я ведь говорил: тебе понравится то, что будет дальше. Держись крепче, мачеха.

Он выпрямился, поправил салфетку у меня на коленях, на секунду задержав пальцы на моем бедре, сжав его сквозь шелк платья, и вернулся на свое место с видом победителя. Александр наблюдал за этой сценой. Его лицо было неподвижно, как гипсовая маска. Но в глубине зрачков, в этой серой бездне, клубилась буря. Он видел всё. Он всё понял.

— Кирилл, — я не выдержала. Голос сорвался на крик. Слезы унижения и злости подступили к глазам. — Убери. Ногу.

Столовая замерла. Даже пламя свечей перестало колебаться.

— Что? — переспросил Александр, медленно переводя взгляд с меня на сына.

Кирилл убрал ногу. Не спеша, лениво, словно делал мне одолжение. Его лицо выражало вселенскую скуку.

— Анне показалось, — бросил он.

— Мне не показалось, — я вцепилась пальцами в край стола. — Ты трогал меня под столом. Всё время, пока твой отец говорил. Не смей делать вид, что этого не было. У тебя кишка тонка признаться.

Впервые за вечер на лице Кирилла мелькнуло что-то похожее на уважение. Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Александр медленно, как в замедленной съемке, повернулся к сыну.

— Это правда? — спросил он. Его голос был тих. Так тих, что я услышала, как тикают часы в соседней гостиной. Тишина перед бурей.

— Правда, — ответил Кирилл, глядя отцу прямо в глаза. — Я коснулся ее ноги. Провел рукой по бедру. И она, отец, не отшатнулась. Сразу. Она позволила.

— Зачем? — голос Александра стал похож на шипение змеи.

— Проверял, — Кирилл пожал плечами, словно речь шла о проверке качества бензина. — Хотел понять, что она за птица. Прогнется она под тебя или нет. Или сразу под обоих.

В комнате стало нечем дышать. Воздух накалился добела. Александр встал. Стул с грохотом отъехал назад.

— Кирилл. Выйди вон.

— И что ты сделаешь? — Кирилл не двигался. Он смотрел на отца снизу вверх, и в его взгляде было что-то древнее, библейское. — Ударить меня? При своей кукле? Ты злишься не на то, что я трогал ее ногу. Ты злишься на то, что она текла от этого. Ты это почувствовал, да? Ты всегда всё чувствуешь. Она не твоя, отец. Она ничья пока. И это сводит тебя с ума.

— ВОН! — взревел Александр так, что зазвенели подвески на люстре.

Кирилл медленно поднялся. Он обошел стол, и каждый его шаг отдавался эхом в моей груди. Он снова остановился за моей спиной. Я зажмурилась, ожидая чего угодно. Он наклонился к моему уху.

— Ты смелая, Анна, — его шепот прокрался мне прямо в мозг. — Очень смелая. Такие, как ты, либо ломаются, либо берут всё. Подумай, чего ты хочешь на самом деле. И запомни этот ужин. Потому что это только первый глоток. — Он выпрямился, обошел стол с другой стороны и вышел из столовой, громко хлопнув дверью. Звук удара прокатился по всему особняку.

Я осталась одна. Напротив меня стоял Александр. Его грудь тяжело вздымалась, кулаки были сжаты. Он смотрел на дверь, за которой исчез сын, и в этом взгляде была не только ярость. Там была боль. И страх.

— Ты будешь с ним осторожна, — сказал он, не оборачиваясь ко мне. Голос его охрип. — Кирилл — это не человек. Это стихия. Он не прощает. И он всегда берет то, что хочет.

— Я не твоя вещь, чтобы он мог меня взять, — ответила я. Мой голос дрожал, но я заставила себя сказать это. — И не его игрушка.

Александр обернулся. Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Он подошел, взял мое лицо в свои ладони. Пальцы были ледяными.

— Нет, Анна, — сказал он глухо. — Ты не вещь. Ты — женщина, ради которой мой сын готов развязать войну. И я, кажется, тоже.

Он отпустил меня, вернулся на свое место и взял вилку.

— Давай закончим ужин, — сказал он будничным тоном, словно мы только что обсуждали погоду, а не инцест на грани фола. — Остынет.

Я сидела за столом, глядя в свою тарелку, и чувствовала, как между ног всё еще горит от прикосновения Кирилла, а на щеках — от пощечины реальности. Отец. Сын. И я. И впереди была не просто война. Впереди была резня. И мне предстояло решить, кем я хочу быть в этой истории: жертвой, трофеем или той, кто перепишет правила игры.

Глава 17

После того ужина я не спала трое суток. Не просто не спала — я разучилась дышать. Каждый вдох давался с трудом, будто в легкие залили расплавленный свинец. Я лежала в своей квартире, похожей на картонную коробку с обоями в цветочек, и смотрела в серый, покрытый трещинами потолок. Я прокручивала в голове не события — я прокручивала ощущения. Это была попытка длиною в бесконечность.

Его голос. Не просто тембр, а вибрация, которая прошла меня насквозь, заставляя вибрировать где-то глубоко в животе. Его дыхание — горячее, пахнущее дорогим алкоголем и чем-то звериным, диким. И его пальцы. Три секунды. Всего три секунды его пальцы пробыли на моем бедре под столом, скрытые от глаз моего жениха белоснежной скатертью. Но этого хватило, чтобы моя кожа стала чужой, горячей, принадлежащей только ему. Он наклонился к моему уху, обдав его обжигающим шепотом, пока Александр рассказывал о слиянии компаний, и сказал: «Тебе понравится то, что будет дальше».

Я ненавидела его за эту уверенность. Лютой, черной ненавистью, от которой сводило скулы. Но еще больше я ненавидела себя. За то, что лежала сейчас в три часа ночи, сжимая бедра, и чувствовала, как влажное, тягучее тепло разливается внизу живота при одном лишь воспоминании о его наглых, знающих глазах.

Александр звонил каждый день. Ровно в полдень, как по будильнику. Короткие, деловые разговоры, больше похожие на доклады подчиненного начальнику. «Как дела?» — спрашивал он, но ему было плевать на ответ. Ему нужен был звук моего голоса, подтверждение того, что его инвестиция жива и здорова. «Когда приедешь подписывать документы на дом?». Дом. Он купил дом. Не для «нас». Для себя. Огромный мавзолей с мраморными лестницами, где я буду выполнять роль дорогой вазы. Я буду в нем жить, дышать, улыбаться его гостям и раздвигать ноги, когда он щелкнет пальцами.

В пятницу, когда я уже почти убедила себя, что поцелуй — это галлюцинация разыгравшегося воображения, его звонок разбил эту иллюзию вдребезги.

— Приезжай завтра, — его голос звучал сухо, без тени эмоций. — Адвокат привезет окончательные бумаги. Останься на выходные. Нам нужно привыкнуть друг к другу.

«Привыкнуть друг к другу». Я чуть не расхохоталась в трубку истерическим смехом. Как привыкают к новой мебели. Как к зубному протезу. Как к ошейнику, который поначалу натирает шею, а потом перестаешь его замечать. Мы не жених и невеста. Мы — сделка. Контракт на миллионы, скрепленный не моей подписью, а печатью отчаяния в моих глазах.

— Хорошо, — сказала я, потому что слово «нет» в этом договоре было предусмотрено только с его стороны.

В субботу утром машина уже ждала у подъезда — черный, блестящий зверь, готовый проглотить меня и увезти в клетку. Я взяла маленькую спортивную сумку. Только самое необходимое: зубная щетка, белье, расческа. Я не хотела создавать иллюзию переезда. Я не переезжала. Я шла на заклание, и брать с собой много вещей в могилу было глупо.

Особняк встретил меня тишиной. Не уютной тишиной дома, а мертвой, музейной тишиной склепа. Дворецкий с лицом церковного сторожа сухо сообщил, что Александр занят на конференц-связи и примет меня через час. Он даже не предложил чаю. Я кивнула, чувствуя облегчение от того, что могу побыть одна, и осталась в той самой гостиной, где неделю назад впервые увидела Кирилла.

Я не хотела думать о нем. Я приказала своему мозгу отключить эту опцию. Я заставляла себя рассматривать картины на стенах — мрачные пейзажи в тяжелых золотых рамах. Хрустальные вазы, в которых никогда не стояли живые цветы. Мраморные полы, отражающие мое

бледное лицо. Всё здесь кричало о деньгах. Всё здесь было дорогим. И всё здесь было до скрежета зубовного чужим, холодным, враждебным.

Мне стало нечем дышать. Стены давили. Я вышла в коридор. Потом в другой. Бездумно, подчиняясь животному инстинкту — найти лазейку, найти выход. Я брела по галерее, где с портретов на меня смотрели мертвые глаза предков Вересовых. Их лица были надменными, хищными. Я чувствовала себя мышью, заблудившейся в лабиринте, где за каждым углом притаился кот.

Я искала выход. Но не из дома. Из этого лабиринта я бы, наверное, выбралась. Я искала выход из себя. Из этой версии Анны, которая позволила себя купить. Которая променяла гордость на свободу отца. Я пыталась сбежать от той женщины, которой стала.

Ноги сами принесли меня в восточное крыло. Здесь было темнее, словно солнце намеренно обходило эту часть дома стороной. Воздух пах пылью и старым деревом, как в заброшенном театре. Стены здесь были увешаны огромными зеркалами в бронзовых, потускневших от времени рамах. Я остановилась перед одним из них и вздрогнула, не узнав собственного отражения.

На меня смотрела незнакомка. Бледная, с лихорадочным румянцем на щеках и горящими, как у затравленного зверя, глазами. Кто эта женщина в строгом черном платье, которое ей даже не принадлежит? Которая продала свое тело и душу за чужую свободу? Которая дрожит от одного взгляда мужчины, который даже не ее жених, а его проклятый сын?

— Заблудилась?

Звук его голоса ударил по натянутым нервам, словно смычком по скрипичной струне. Резкий, низкий, вибрирующий опасностью. Я вздрогнула всем телом и резко обернулась. Сердце пропустило удар, а потом понеслось вскачь, разгоняя по венам не кровь, а жидкий адреналин.

Глава 18

Он стоял в конце длинного, полутемного коридора. Кирилл. Словно демон, материализовавшийся из тени. На нем была простая черная футболка, которая обтягивала широкие, каменные плечи и рельефную грудь так, что ткань, казалось, трещала по швам. Потертые джинсы сидели низко на бедрах, открывая полоску загорелой кожи и дорожку темных волос, уходящую вниз. Он был босиком. Босые ступни на холодном мраморе — это выглядело до абсурда интимно, по-домашнему, и от этого становилось еще страшнее. Его волосы были влажными и растрепанными, будто он только что вышел из душа или, наоборот, только что встал с чьей-то постели. В руке он держал тяжелый хрустальный стакан с темной жидкостью. Виски. В десять утра. Запах дорогого алкоголя и терпкого мужского одеколона поплыл по коридору, ударяя в ноздри.

Я не знала, как долго он стоял там и наблюдал за мной. Как долго он следил за тем, как я смотрю на свое отражение с ужасом и отвращением.

— Я не заблудилась, — я заставила свой голос звучать твердо. Я выпрямила спину, вскинула подбородок и посмотрела ему прямо в глаза. Это было ошибкой. — Я осматриваю дом.

— Дом, в котором будешь жить, — он сделал первый шаг. Медленный, ленивый, как у хищника, который знает, что жертве некуда бежать. Его пятки бесшумно ступали по холодному камню. — С моим отцом.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как воздух в коридоре становится гуще.

— В котором будешь спать с моим отцом, — он сделал второй шаг, и его глаза опасно блеснули в полумраке.

— Кирилл, прекрати, — мой голос дрогнул. Я ненавидела себя за эту дрожь.

— В котором будешь рожать детей моему отцу, — он почти выплюнул это слово, и третий шаг был шире, резче. — Будешь кормить их грудью, сидя в беседке у бассейна, и улыбаться, когда он будет гладить тебя по голове за хорошее поведение.

— Хватит! — мой крик эхом разнесся по пустому крылу, ударился о зеркала и вернулся ко мне, жалкий и беспомощный. Он усмехнулся. Только губами. Глаза остались абсолютно серьезными. Темными. Опасными, как омут, в котором нет дна.

— Тебя бесит, когда я говорю правду? — спросил он, приближаясь. Теперь между нами было не больше трех метров. Я видела, как на его шее бьется жилка, как двигаются желваки на скулах. — Или тебя бесит то, что я прав? То, что я вижу тебя насквозь?

— Ты ничего обо мне не знаешь! — выкрикнула я, и злость действительно вскипела в груди, как лава. Злость была моим единственным спасением. Злость была безопаснее того липкого, жаркого ужаса желания, который разливался внизу живота от его близости.

— Я знаю, что ты продавалась, — сказал он, и каждое слово было ударом хлыста по оголенным нервам. — Ты — золотая рыбка моего отца. Он насыплет тебе корма, построит золотую клетку с климат-контролем, будет гладить по головке и называть «моя хорошая». А ты будешь открывать рот, глотать и радоваться, что тебя вытащили из грязи.

— Как ты смеешь?! — я сама не заметила, как сделала шаг ему навстречу. Ярость плескалась во мне, выжигая страх. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. — Ты, наследный принц, который родился с золотой ложкой во рту и ни дня в своей жизни не работал! Ты не знаешь, почему я согласилась! Ты не знаешь, через какое дерьмо я прошла! Ты не знаешь, что значит смотреть, как твой отец седеет за одну ночь, когда ему грозит тюрьма! Ты ничего, слышишь, ничего не знаешь о жизни!

— А ты думаешь, мне интересно? — он тоже шагнул вперед. Между нами остался один короткий метр. Воздух между нашими телами наэлектризовался так, что, казалось, сейчас посыплются искры. Я чувствовала запах виски из его рта, смешанный с запахом его кожи —

мускусным, пряным, сводящим с ума. — Ты — очередная игрушка. Молодая, красивая, с отчаянием в глазах и мокрыми трусиками при виде денег. Таких, как ты, у моего отца были десятки. Будут и после.

— Тогда какая тебе разница?! — выплюнула я ему в лицо. Слезы жгли глаза, но я держалась. Я не заплачу. Я не дам ему этого чертова удовольствия. — Если я просто игрушка, пластиковая кукла в твоём доме, иди и разбей свою игрушку в другой комнате! Оставь меня в покое!

Он замер. Резко, как вкопанный. Его взгляд изменился. Из холодного, презрительного он стал... изучающим. Внимательным. Он смотрел на меня так, будто видел впервые в жизни. Будто я только что скинула маску, и под ней оказалось нечто живое.

— А ты злая, — произнес он медленно, и в его голосе прозвучали нотки неподдельного удивления. — Я думал, ты будешь тихой. Покорной. Будешь плакать в подушку и бояться поднять на меня глаза.

— Ты ошибался, — мой голос сорвался на хрип. — Я не покорная. Я просто... — я замолчала, подбирая слова, которые душили меня. — У меня не было выбора. Понимаешь? Вы-бо-ра. Не-бы-ло.

— Выбор есть всегда, — отрезал он.

— Ты так говоришь, потому что у тебя есть деньги! — я шагнула к нему вплотную. Теперь между нами было полметра. Его дыхание обжигало мое лицо, и я видела, как расширяются его зрачки, затапливая радужку чернотой. Я видела, как вздымается его грудь. — У тебя есть отец, который оплачивает все твои капризы! У тебя есть этот проклятый дом, в котором ты можешь пить виски в десять утра, закусывая собственным эго! А у меня — только долги. У меня — тюрьма для отца, который не выдержит и года за решеткой. У меня — улица для матери, если я не заплачу. Так что не читай мне нотации о выборе, Кирилл Вересов! Ты понятия не имеешь, что значит быть загнанной в угол!

Тишина, повисшая после моих слов, была оглушительной. Он молчал. Впервые за всё время нашего знакомства, за все эти колкие стычки и унижительные взгляды, он не нашелся с ответом. Он просто смотрел на меня. А потом я увидела, как дернулся его кадык. Как напряглись мышцы челюсти. Он смотрел на мои губы, на слезы, которые я отказывалась проливать, на дрожащий подбородок.

А потом он сделал последний шаг.

Глава 19

Между нами не осталось ничего. Даже воздуха. Его грудь почти касалась моей. Я чувствовала жар его тела — он был горячим, как печь, как будто внутри него горел вечный огонь. Я слышала его дыхание — тяжелое, рваное, словно он пробежал марафон. Я видела, как бьется его сердце под тонкой тканью черной футболки — сильно, гулко, в одном ритме с моим.

— Ты не такая, как я думал, — сказал он. Голос был тихим, почти шепотом, но в этом шепоте было столько силы, что у меня подкосились колени. — Ты... не пустая.

— Какая же я? — спросила я, и собственный голос показался мне чужим, хриплым, как после долгой болезни.

— Живая, — выдохнул он. И в этом единственном слове было столько всего: удивление, открытие, голод, одержимость. — Ты не кукла. Ты настоящая. Слишком настоящая для этого sklepa.

Он поднял руку. Я замерла, боясь пошевелиться, боясь спугнуть это наваждение. Его пальцы коснулись моего лица. Легко, невесомо, как крылья бабочки. Но в этом прикосновении была такая концентрированная нежность, что у меня перехватило дыхание. Он провел подушечками пальцев по моей щеке, стирая невидимую слезинку. Спустился по скуле, очертил линию подбородка, чуть надавил на ямочку.

— Тебе не место в этом доме, — прошептал он, и его большой палец коснулся моей нижней губы, чуть оттягивая ее вниз. — Ты слишком яркая для него. Ты сгоришь здесь. Или он тебя сломает.

— А где мое место? — спросила я, не узнавая собственного голоса. Он звучал умоляюще, жалко и невероятно сексуально одновременно. — Где, Кирилл?

Он не ответил словами. Он посмотрел на мои губы — долгим, пылающим взглядом, от которого мои соски напряглись и стали болезненно чувствительными, трущимися о грубую ткань платья. И мир перестал существовать.

Он поцеловал меня. Это был не поцелуй, которые были у меня раньше. Это был взрыв. Крушение поезда. Атомная бомба, сброшенная на город моих принципов. Не нежно. Не осторожно. Не так, как целуют невест своего отца за пять минут до подписания брачного договора. Он поцеловал меня так, как целуют женщину, которую хотели всю свою проклятую жизнь и уже не надеялись получить. Жестко, жадно, с такой звериной, неконтролируемой силой, что я, не удержавшись на ногах, ударила спиной о холодную стену. Огромное зеркало в бронзовой раме за моей головой жалобно звякнуло, и я увидела краем глаза, как в нем отражаются два тела, сплетенных в диком, запретном танце.

Его губы были твердыми, горячими, требовательными. Он не просил разрешения, он брал. Он впился в мой рот так, будто хотел выпить меня досуха, забрать себе весь кислород, все мысли, всю волю. Его язык раздвинул мои губы, и я... я, невеста Александра Вересова, покорно открыла рот, впуская его. Наш поцелуй был мокрым, грязным, отчаянным. Мы кусали друг друга, сталкивались зубами, дышали друг другу в рот, и это было самым эротичным, что я испытывала в жизни.

Я забыла, кто я. Забыла свое имя. Забыла, что через три недели свадьба, и я должна стоять в белом платье перед алтарем, изображая счастье. Я чувствовала только его. Его руки, которые сжали мои бедра с такой силой, что я застонала ему прямо в рот — громко, пошло, откровенно. Его пальцы впились в мою плоть, наверняка оставляя синяки, и я хотела этих синяков. И черт возьми, я хотела этих меток.

Его язык, который сплелся с моим в бешеном, диком ритме, подражая тому, что он хотел сделать со мной в постели. Его зубы, которые прикусили мою нижнюю губу, потянули на себя,

и я почувствовала металлический привкус крови на языке. Боль вспыхнула яркой звездой и тут же превратилась в удовольствие.

— Ты моя, — прорычал он, отрываясь от моих искусанных, опухших губ ровно на секунду. Его глаза горели. Не в переносном смысле — они пылали буквально, как два раскаленных угля. В них плескалась такая дикая, необузданная страсть, что я испугалась. Испугалась не его. Испугалась себя. Испугалась того, что я готова отдать ему всё прямо здесь и сейчас, на холодном мраморном полу этого проклятого дома.

— Я не твоя, — выдохнула я, но мои руки, живущие собственной, предательской жизнью, уже вцепились в его футболку, сминая ткань, притягивая его еще ближе, хотя ближе было уже некуда. Я не контролировала себя. Мой разум отключился, оставив только тело. А тело хотело его. Тело молило о нем.

— Будешь, — отрезал он и снова накрыл мои губы своими.

На этот раз поцелуй стал еще жестче, еще глубже. Он прижал меня к стене всем своим большим, горячим, твердым телом, и я почувствовала его возбуждение. Через ткань джинсов и мое тонкое платье я ощущала его член — твердый, огромный, упирающийся мне в низ живота. Его бедра вжались в мои, делая легкое, почти неуловимое движение вперед, имитируя толчок. Мои глаза закатились.

Его руки скользнули по моей талии вниз, сжали ягодицы с такой собственнической, животной силой, что я ахнула. Он приподнял меня, как пушинку, и я, даже не задумываясь о том, что делаю, обхватила его ногами за талию. Платье с тихим шелестом задралось до самой талии, обнажая бедра, открывая кружевной край чулок и тонкую полоску трусиков, которые уже насквозь промокли от желания.

Он прижался ко мне так, что я почувствовала каждую твердую, рельефную линию его члена через грубую ткань джинсов. Его пах терся о мой лобок, и каждое микро-движение отдавалось электрическим разрядом прямо в клитор.

— Ты даже не представляешь, что ты со мной делаешь, — прошептал он мне прямо в губы, и его голос дрожал. Кирилл Вересов, этот ледяной принц, этот циничный ублюдок, дрожал. От желания. От меня. От того, что происходило между нами в полутемном коридоре, под портретами его мертвых предков.

— Так же, как и ты со мной, — ответила я, и это была чистая, беспримесная правда.

Глава 20

Он сжал мои бедра. Не просто сильно — до боли, до хруста костей. Его пальцы впились в нежную кожу внутренней стороны бедер, прямо там, где заканчивался край чулка, и я знала, что завтра там расцветут лиловые, уродливые синяки. Но в этот момент — именно в этот самый момент, когда его руки сжали меня с такой неистовой, собственнической, звериной силой, показывая, что он никуда меня не отпустит, — я почувствовала, как внутри меня что-то оборвалось.

Это было похоже на взрыв сверхновой в центре моего живота. Спазм начался где-то глубоко внутри, в той точке, куда упиралась головка его члена через одежду, и волной прошел по всему телу. От макушки, где волосы встали дыбом, до кончиков пальцев на ногах, которые поджались в туфлях. Я вскрикнула ему в рот. Громко, отчаянно, захлебываясь этим криком. Мое тело выгнулось дугой, вжимаясь в него еще сильнее, ища трения, ища спасения от этой сладкой пытки. Волна за волной накатывали на меня, и я кончала. Прямо так. В коридоре. У стены. В объятиях мужчины, который не должен был меня даже касаться.

Я кончила от того, как он сжимал мои бедра. От того, как его зубы кусали мои губы, раздирая их в кровь. От того, как его черные, голодные глаза смотрели на меня — с одержимостью, с безумием, с чем-то таким глубоким, первобытным и темным, что у меня не было слов для описания. От осознания греха. От того, что я предаю его отца у него же за спиной.

Он чувствовал это. Он чувствовал, как мое тело дрожит и бьется в его руках, словно птица в силках. Он чувствовал, как мышцы моего живота сокращаются в спазмах оргазма, как я сжимаю его бедра своими ногами, как мои пальцы мертвой хваткой вцепляются в его влажные волосы, чтобы не упасть, не раствориться в этом безумии.

— Черт, — выдохнул он, отрываясь от меня. Его глаза были расширены, зрачки заполнили почти всю радужку, оставив лишь тонкий ободок дикого, темного цвета. Он смотрел на меня так, будто я была чудом. Или проклятием, которое он сам на себя навлек. — Ты только что...

— Заткнись, — прошептала я, чувствуя, как жар стыда заливает не только щеки, но и шею, и грудь. Я горела изнутри. — Заткнись, пожалуйста. Ни слова.

Я попыталась оттолкнуть его, упершись ладонями в его каменную грудь. Я хотела опустить ноги на пол, сбежать, спрятаться в любой щели этого огромного дома. Но он не отпустил. Его руки все еще мертвой хваткой сжимали мои бедра, прижимая меня к стене, не давая мне даже пошевелиться. Я была распята на нем.

— Нет, — сказал он твердо, и в его голосе зазвенела сталь. — Ты не сбежишь. Не сейчас. Только не после того, что я почувствовал.

— Кирилл, — мой голос дрожал и срывался. Слезы, которые я сдерживала весь этот разговор, наконец, прорвали плотину. Они катились по моим щекам, смешиваясь с его слюной и кровью на моих губах. — Отпусти меня. Это было ошибкой. Ужасной, чудовищной ошибкой.

— Ошибкой? — он усмехнулся, но в его усмешке не было ни грамма веселья. В ней была боль. И ярость. И что-то еще, похожее на мольбу. — Ты только что кончила в моих руках. Ты разлетелась на куски от одного моего поцелуя и от того, как я держу тебя за задницу. Твои трусы мокрые насквозь, я чувствую это бедром. И ты говоришь мне, что это ошибка?

— Да! — я почти кричала, срывая голос. — Потому что я невеста твоего отца! Я подписала контракт! Я принадлежу ему!

Его лицо изменилось мгновенно.словно кто-то щелкнул выключателем. Страсть, голод, боль — всё это исчезло, сменившись маской холодной, непроницаемой ярости. Он резко отпустил мои бедра, и я, не удержавшись, сползла по стене вниз. Мои ноги подкосились, и я чуть не упала, схватившись за косяк зеркала.

— Невеста, — повторил он, и это слово прозвучало в его устах как самое грязное ругательство. Как проклятие, которое он выплевывал из души. — Ты права, черт возьми. Ты — невеста моего отца. Его дорогая покупка. А я — его непутевый сын, который вечно всё портит. И то, что только что произошло...

— Ничего не произошло! — перебила я его, судорожно поправляя задравшееся платье дрожащими, непослушными пальцами. Ткань липла к влажным бедрам. Я чувствовала, как по внутренней стороне бедра стекает капелька моего собственного возбуждения. — Это был... порыв. Глупость. Помутнение рассудка. Этого больше никогда не повторится. Никогда, слышишь?

— Никогда? — он наклонился, приблизив свое лицо к моему так близко, что я снова почувствовала его дыхание на своих разбитых, саднящих губах. Запах виски и меня. — Ты веришь в то, что говоришь? Ты сможешь смотреть на моего отца, лежать под ним, зная, что твое тело поет только для меня?

— Должна верить, — ответила я, отводя взгляд, потому что смотреть в его глаза было невыносимо. Они видели меня насквозь. Они знали правду.

Он выпрямился. Посмотрел на меня сверху вниз — на мои спутанные волосы, на сбившееся, перекрученное платье, на покрасневшее, мокрое от слез и пота лицо. На мои дрожащие руки, которые никак не могли справиться с застежкой босоножки, чтобы сбежать. На то, как я дрожу, словно осиновый лист на ветру.

— Ты врешь себе, — сказал он тихо, но каждое слово впечатывалось в мой мозг раскаленным клеймом. — Ты врешь себе, Анна. И я знаю, что ты вернешься. Я буду ждать.

— Не вернусь, — я заставила себя встать. Оттолкнулась от стены, чувствуя, как дрожат колени, и пошла прочь по коридору, подальше от этого зеркала, от этого запаха, от него.

Глава 21

— Анна.

Его голос ударил в спину, и мои ноги сами остановились. Я замерла, но не обернулась. Я боялась, что если обернусь, то снова окажусь в его руках.

— Ты не сможешь забыть, как я целовал тебя, — сказал он мне в спину. Его голос звучал уверенно, но в нем слышалась и бесконечная, щемящая тоска. — Как я сжимал твои бедра, оставляя на них свои пальцы. Как ты кончила от этого, громко и сладко, как никогда не кончишь с ним. Это останется с тобой навсегда, Анна. Это будет гореть в тебе. И когда ты будешь в постели с моим отцом, когда он будет входить в тебя, ты закроешь глаза и будешь думать обо мне. Ты будешь представлять мои руки, мой член, мой голос. Ты будешь изменять ему со мной каждую ночь в своей голове.

Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли разноцветные круги. Я сжала кулаки, и ногти прорвали кожу на ладонях. Боль привела меня в чувство.

— Ты чудовище, — прошептала я, но мой голос был полон не ненависти, а отчаяния. Потому что я знала: он прав. Он, черт возьми, прав.

— Возможно, — ответил он, и я услышала, как он делает шаг назад. — Но ты хочешь этого чудовища. До дрожи в коленях. До мокрых трусов. До потери себя. И это пугает тебя больше всего на свете.

Я не ответила. Я пошла вперед, почти побежала, не разбирая дороги, вытирая слезы и кровь с губ тыльной стороной ладони. Мне нужно было уйти. Скрыться. Спрятаться в любой комнате, где не будет его запаха, его голоса, его обжигающих глаз.

Я свернула за угол, налетела плечом на дверь красного дерева, рванула ручку и оказалась в маленькой, пустой гостиной, похожей на будуар. Здесь никого не было. Тишина. Пылинки танцевали в луче солнечного света. Я захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на холодный паркетный пол.

Мое тело всё еще дрожало. Мелкой, позорной дрожью. Между ног было горячо, влажно и невероятно пусто. Я чувствовала, как пульсирует клитор, как сокращаются мышцы влагалища в остаточных спазмах оргазма. Там, где он сжимал мои бедра, кожа горела огнем.

Я прижала ладони к пылающему лицу и заставила себя дышать. Глубоко. Ровно. Вдох. Выдох. Что я наделала? Господи, что я наделала?

Я — невеста Александра Вересова. Я подписала контракт, который обязывает меня быть его женой. Я поклялась себе, что выдержу это, что это просто сделка. А я только что позволила его сыну вжать меня в стену и целовать так, будто он хочет забраться мне под кожу. Я кончила в его руках, как последняя шлюха, даже не сняв трусы. Я хотела большего. Я хотела, чтобы он сорвал с меня это дурацкое черное платье, разорвал его в клочья. Я хотела, чтобы он вошел в меня грубо, глубоко, чтобы я чувствовала его в себе еще неделю. Я хотела, чтобы он кончил в меня, метя изнутри, делая своей.

— Нет, — прошептала я вслух, ударяясь затылком о дверь. — Нет, нет, нет.

Но мое тело не слушалось моих приказов. Оно помнило. Каждое прикосновение, каждый укус, каждое слово, сказанное им хриплым, дрожащим голосом.

«Ты не сможешь забыть». Он был прав. Я не смогу.

Я просидела на полу неизвестно сколько. Минуты? Часы? Время в этом доме текло иначе. Я слышала, как за дверью раздаются чьи-то тяжелые шаги, они замерли прямо у входа, и я затаила дыхание, молясь, чтобы это был не он. Шаги постояли минуту и ушли прочь. Может, это был Кирилл. Может, он ждал, что я выйду, чтобы продолжить эту пытку. Я не вышла.

Через час — или через три — я услышала стук в дверь и голос, заставивший меня вздрогнуть и вскочить на ноги:

— Анна? Ты здесь? Адвокат приехал. Я ищу тебя по всему дому. — Голос Александра. Холодный, спокойный, деловой.

Я встала. Поправила платье, одернула подол, который прилип к бедрам. Провела пальцами по волосам, пытаясь пригладить их, но они всё равно торчали в разные стороны, как после грозы. Я подошла к маленькому зеркалу, висящему на стене, и посмотрела на себя. На меня смотрела чужая, незнакомая женщина. С опухшими, разбитыми в кровь губами. С горящими, лихорадочными глазами, в которых плескался грех. С печатью предательства на лице.

— Иду, — сказала я громко, открывая дверь и нацепляя на лицо маску вежливой улыбки.

Александр стоял в коридоре. Он улыбался — той своей фирменной, холодной, собственнической улыбкой, от которой у меня всегда бежали мурашки. Он был в идеально отглаженном костюме, и его седые виски блестели в свете ламп. Он не знал. Он не мог знать. Для него я всё еще была чистой, нетронутой сделкой.

— Ты выглядишь... взволнованной, — заметил он, окидывая меня своим рентгеновским взглядом. Его глаза на секунду задержались на моих губах, и я почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Дом очень большой, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я заблудилась в этих коридорах.

Он усмехнулся и подал мне руку. Я взяла ее, чувствуя, как его прохладные, сухие пальцы смыкаются вокруг моей горячей, дрожащей ладони. Контраст был чудовищным.

— Пойдем, — сказал он, ведя меня по коридору. — Подпишешь остальные документы. И останешься на ночь. Я хочу, чтобы ты начинала привыкать к этому месту.

К этому месту. К этому дому. К нему. К роли красивой куклы в его коллекции. Я кивнула и пошла за ним, чувствуя, как чей-то взгляд прожигает мне спину между лопаток. Я знала этот взгляд. Я чувствовала его вес. Я обернулась.

В конце длинного коридора, в самом темном его углу, где свет почти не горел, стоял Кирилл. Он опирался плечом о стену, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. На мою руку в руке его отца. На мое лицо, которое всё еще хранило следы его голодных, жестоких поцелуев. На мои губы, которые он искусал до крови.

Он не улыбался. Не насмехался. Он просто смотрел. Темно, тяжело, голодно. С обещанием в глазах. И я поняла с ужасающей, леденящей душу ясностью: это не конец. Это только начало. Начало войны. И он будет меня преследовать. Везде. Всегда. В каждой комнате этого проклятого дома. В каждой моей мысли. Я отвернулась и пошла за Александром, чувствуя, как взгляд Кирилла прожигает мне спину, как клеймо.

Прости меня, — мысленно обратилась я к кому-то. К себе прежней. К Богу, в которого уже не верила. К тому, кто мог бы меня спасти. Но спасения не было. Никто не спустится с небес и не вырвет меня из этой паутины. Был только огонь. И я в нем горела заживо, и мне это нравилось.

Глава 22

Адвокат уехал ровно через час. Я слышала, как затих в гравии шорох шин его черного «Мерседеса», и этот звук стал точкой невозврата. Мой эскорт в бездну закончился, и я осталась в этой громадной каменной клетке один на один с хищником, который меня купил.

Я подписала еще десяток документов. Моя рука двигалась механически, выводя завитки подписи там, где палец Александра касался желтоватой бумаги. Я не читала ни строчки. Бумаги, передающие права на что-то, отказывающиеся от чего-то, подтверждающие что-то. Завещания? Дарственные на органы? Согласие на вечное молчание? Я не знала и, честно говоря, мне было уже все равно. Моя подпись стояла на каждой странице, чернила блестели влажно, и я чувствовала, как с каждым росчерком пера не просто теряю себя, а сдираю с себя старую жизнь, словно засохшую коросту. Оставалась лишь голая, пульсирующая, уязвимая плоть.

Александр сидел напротив в кресле, обитом темно-зеленой кожей. Он был доволен, как сытый удав, проглотивший кролика. Он улыбался той холодной, собственнической улыбкой, которая не касалась его серых, как зимнее море, глаз. Улыбка говорила: «Все идет по моему плану». Взгляд говорил: «Ты уже моя собственность, просто еще не распакованная».

Когда тяжелая входная дверь закрылась за адвокатом, в комнате повисла вязкая, как смола, тишина. Я стояла посреди кабинета, обхватив себя руками, чувствуя себя экспонатом в музее восковых фигур. Александр поднялся. Его шаги по наборному паркету звучали гулко, словно удары метронома, отсчитывающего последние секунды моей свободы. Он остановился в шаге от меня, возвышаясь надо мной скалой. От него пахло дорогим коньяком, табаком и властью.

— Останься на ночь, — сказал он, когда адвокат ушел. Не спросил. Не предложил. Сказал. Интонация, которой отдают приказы прислуге. — Я хочу, чтобы ты привыкала к своей комнате.

— У меня будет своя комната? — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык. В моем голосе прозвучало искреннее, глупое удивление. Я думала, этот контракт предполагает немедленное использование тела. Я думала, мы будем спать вместе с первого дня. В одной постели, на одних простынях, без права отодвинуться на край кровати.

— До свадьбы — да, — ответил он, и в его глазах мелькнуло что-то темное, похожее на тень от штормовой тучи. Он словно намекал, что эта «своя комната» — не акт милосердия, а часть изощренной пытки ожиданием. — После свадьбы ты будешь спать только со мной. В моей постели. Каждую ночь.

Я кивнула. Что еще я могла сделать? Упасть на колени и благодарить за эту призрачную отсрочку? Я сглотнула ком в горле, чувствуя, как стальной обруч страха сжимает горло.

Он проводил меня в комнату для гостей. Так он ее назвал. «Гостевая». Но я знала — в этом доме не бывает гостей. Бывают только жертвы и хозяева. Эта комната теперь будет моей тюремной камерой с шелковыми обоями до тех пор, пока он не сочтет нужным перевести меня в свою опочивальню. Комната была огромной, с высоченными потолками, лепниной и кроватью под тяжелым балдахином из темно-бордового бархата. Старинная мебель пахла воском и тленом. Высокие окна выходили в сад, где ветер трепал голые ветки деревьев. Всё было красиво. Всё было холодно. Всё было чужим. Даже воздух здесь казался разреженным, как высоко в горах, — им невозможно было надышаться.

— Отдыхай, — сказал Александр, останавливаясь на пороге. Его широкая фигура почти полностью заслоняла свет из коридора. — Через час ужин. Я пришлю за тобой.

Он ушел, и я осталась одна в этом мавзолее.

Я подошла к окну, прижалась лбом к ледяному стеклу, посмотрела на темнеющее небо и почувствовала, как внутри меня, где-то в районе солнечного сплетения, зарождается паника. Не тихая грусть, а настоящий, животный ужас. Я была в его доме. В его власти. Я подписала бумаги. Я продала себя оптом и в розницу. И я позволила его сыну целовать меня. Позволила его рукам сжимать мои бедра, оставляя там невидимые глазу, но жгучие отметины.

Я провела пальцами по губам. Они все еще горели. Припухшие, искусанные. Я все еще чувствовала вкус Кирилла — терпкий виски, горький шоколад, опасность. Я все еще чувствовала, как его пальцы впивались в мою плоть, задирая подол платья. То, как он сжал меня, притиснув к зеркальной стене, и я... Черт возьми, я потекла от этого. Прямо там, в коридоре, под взглядом собственного отражения.

Я закрыла глаза, отгоняя воспоминание. Нельзя. Не сейчас. Не в этом доме, где у стен есть уши, а у зеркал — глаза. Не тогда, когда его отец этажом ниже выбирает вино к ужину, на котором будет пожирать меня взглядом.

Я переделалась в платье, которое приготовила заранее. Простое, струящееся, цвета мокрого асфальта. Закрытое. Скучное. Я хотела быть незаметной. Я хотела слиться с этими серыми стенами, стать тенью, пылью на подоконнике. Я хотела, чтобы меня не видели.

Но в этом доме меня видели насквозь. Всегда.

Ужин проходил в малой столовой, которая размерами напоминала банкетный зал. Хрусталь, серебро, фарфор. Александр сидел во главе стола, и расстояние между нами было таким огромным, что я едва слышала его голос. Он говорил о бизнесе, о планах реструктуризации, о свадьбе, которая будет через три недели. Обо мне он говорил в третьем лице, словно меня здесь не было. «Анна наденет белое», «Анна будет молчать и улыбаться».

Я кивала, механически поднося ложку к губам, улыбалась, отвечала односложно. «Да, Александр», «Конечно, Александр». Мои мысли были далеко — они метались в том проклятом коридоре с зеркалами, где Кирилл прижимал меня к стене и шептал: *«Ты не сможешь забыть»*.

Кирилла за ужином не было. Дворецкий, бесшумный как призрак, наклонился к уху Александра и что-то доложил. Бровь хозяина дома дернулась. «Уехал», — коротко бросил он мне, возвращаясь к трапезе. Я не знала, радоваться мне или бояться еще больше. Если его нет, значит, он может появиться в любой момент из любой тени.

После ужина Александр снова проводил меня обратно в комнату. Мы шли по длинным галереям, где наши шаги отдавались гулким эхом. Он держал меня под локоть крепко, почти до боли, как конвоир ведет особо опасную преступницу.

— Я зайду позже, — сказал он, останавливаясь у моей двери. Его пальцы все еще сжимали мой локоть. — Есть кое-что, что я хочу тебе дать.

— Что? — спросила я, чувствуя, как внутри все обрывается и летит в пропасть. Сердце забилося где-то в горле.

— Сюрприз, — ответил он, отпуская мою руку. Он ушел, оставив меня в темноте освещенного лишь ночником холла. Словно закрыл крышку люка.

Я села на кровать, обхватила колени руками, став маленькой и беззащитной. Я закрыла глаза и молилась. Не знаю, кому. Может, себе прежней, той, что еще верила в любовь и свободу. Может, тому, кто мог бы меня спасти. Но спасения не было. В этом доме Бог не ночевал.

Александр вернулся через час. Ровно через час.

Глава 23

Я услышала его шаги еще в коридоре — тяжелые, уверенные, неспешные. Такие шаги не могут принадлежать человеку, который сомневается. Дверь открылась без стука. Он просто вошел в мою спальню, как входят в собственный кабинет. В его руках была маленькая бархатная коробочка. Темно-синяя, с золотым тиснением *Cartier*. Этот цвет — синий, как венозная кровь — я запомню на всю жизнь.

— Я хотел подарить это тебе при всех, в ресторане, под вспышки камер, — сказал он, закрывая за собой дверь на защелку. Щелчок замка прозвучал как выстрел в тишине. — Но передумал. Это должно быть нашим. Только нашим. Интимным. Без свидетелей.

Он подошел к кровати, и я встала. Мои ноги дрожали так сильно, что шелк платья ходил ходуном. Всё мое тело дрожало, словно в лихорадке. Он был спокоен, как удав, и от этого спокойствия веяло могильным холодом.

Он открыл коробочку.

Кольцо было огромным. Оно не сияло, оно вопило. Бриллиант в три карата, идеальной огранки *Emerald*, чистый, как замерзшая слеза, в платиновой оправе с россыпью мелких камней по бокам. Оно стоило целое состояние. Оно стоило больше, чем все, что я заработаю за десять жизней. Оно было красивым настолько, что от этой красоты тошнило.

— Обручальное кольцо, — сказал Александр. Голос его был ровным, но я уловила в нем вибрацию собственнического восторга. — Я заказал его год назад. Еще до того, как ты узнала о моем существовании. Я знал, что ты будешь моей. Я всегда получаю то, что хочу.

Год назад. Он планировал это год назад. Год назад он уже знал, что купит меня, как породистую кобылу на аукционе. А я ничего не знала. Я жила своей жизнью, смеялась, дышала, думала, что свободна, а он уже плел свою паутину, сидя в этом кабинете, и примерял этот бриллиант к моему отсутствующему пальцу.

— Оно прекрасно, — сказала я, потому что нужно было что-то сказать. Потому что молчать было еще страшнее. Мой голос прозвучал как шелест сухих листьев.

— Как и ты, — ответил он, доставая кольцо из бархатного ложа. Камень поймал свет и пустил зайчик по потолку.

Он не спросил, хочу ли я его надеть. Он не опустился на одно колено. Он взял мою правую руку — вялую, безвольную — поднес кольцо к безымянному пальцу и надел. Медленно, торжественно, с садистским наслаждением, как священник во время венчания надевает кандалы на душу.

Бриллиант сверкнул. Тяжелый. Холодный. Чужой. Я смотрела на него и чувствовала, как камень давит не просто на палец, а на всю мою руку, прибивая ее к туловищу, напоминая, что я больше не свободна. Что этот палец теперь — часть его имущества.

— Теперь ты помечена, — сказал Александр, поднося мою руку к губам. Его дыхание обожгло кожу. Он поцеловал кольцо — холодный металл и теплые губы. Потом поцеловал палец над кольцом, слегка прикусив его. Потом запястье, где под тонкой кожей билась синяя жилка. — Моя.

— Твоя, — повторила я эхом, и это слово прозвучало как приговор, зачитанный в пустом зале суда.

Он поднял глаза. В них горел голод. Тот самый, который я видела в кабинете, когда подписывала контракт. Только теперь он был сильнее. Острее. В нем не осталось ни капли светского лоска, только звериная похоть.

— Ты сегодня какая-то напряженная, — заметил он, не отпуская моей руки. Его большой палец поглаживал тыльную сторону моей ладони, а глаза ощупывали мое лицо, словно искали трещину. — Что-то случилось? Ты как натянутая струна.

— Нет, — ответила я слишком быстро. Слишком громко. Слишком лживо. Его глаза сузились. Превратились в две колкие льдинки.

— Ты врешь, — сказал он. Это была констатация факта, а не вопрос. — Я чувствую фальшь за версту. Что-то произошло сегодня в доме. Что-то, что заставило твои зрачки бегать, а твою кровь — бежать быстрее. Что?

— Ничего, — я попыталась высвободить руку, но он сжал ее сильнее, до хруста в суставах. — Александр, мне больно.

— Тебе будет больнее, если я узнаю, что ты мне лжешь, — сказал он спокойно. В этом спокойствии была такая концентрированная угроза, что у меня перехватило дыхание и холодный пот выступил между лопаток.

Он знал. Не мог знать, но чувствовал. Зверь чует запах другого самца на своей самке. Чувствовал чужой запах на моей коже. Чувствовал, что я была в руках другого мужчины. Чувствовал остаточное электричество в моих нервных окончаниях.

— Я не лгу, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как натянутая струна. — Просто устала. Дорога, документы... это всё тяжело. Психологически.

Он смотрел на меня несколько долгих, мучительных секунд. Изучал, как энтомолог изучает бабочку, наколотую на булавку. Оценивал. Решал, казнить сейчас или отложить пытку.

— Ладно, — сказал он наконец, разжимая пальцы. Моя рука упала плетью. — Верю.

Я выдохнула, но облегчение продлилось ровно один вдох.

— Но я хочу, чтобы ты запомнила одну вещь, — он шагнул ко мне, и я инстинктивно отступила, вжимаясь в край массивной кровати. Мои ноги уперлись в деревянную раму, и я поняла, что бежать некуда. Пути к отступлению отрезаны. — Ты моя. Не завтра. Не после свадьбы. Сейчас. Сегодня. В эту минуту. В эту секунду.

— Александр, мы же договаривались... — начала я, но мой голос сорвался на жалкий писк.

— Я ждал, — перебил он, делая еще один шаг и нависая надо мной. Теперь между нашими телами не было даже воздуха. Я чувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань рубашки, запах дорогого парфюма с нотками кожи и виски. — Я был терпелив. Я ждал, когда ты привыкнешь к мысли, что принадлежишь мне. Когда ты будешь готова ментально. Но я больше не хочу ждать. Я хочу есть.

Он положил руки на мою талию. Его ладони были горячими, как утюги, сильными, собственническими. Пальцы впились в податливую плоть, сминая шелк платья.

— Сегодня ты будешь моей, — сказал он, и это прозвучало не как обещание, а как неизбежность, как смена времен года. — Полностью. Всеми своими мыслями.

— Мы договаривались после свадьбы, — напонила я, и мой голос дрожал, срываясь. Я цеплялась за этот пункт контракта, как утопающий за соломинку.

— Я передумал, — ответил он, и в его голосе не было ни капли сожаления. Только право сильного менять правила игры по ходу. — Я подписал тебе чек на всю твою никчемную жизнь, и ты поставила подпись. Пункты контракта теперь устанавливаю я. А ты слишком красивая, чтобы ждать. И слишком... возбужденная.

Его рука скользнула ниже, обхватила ягодицу, сильно сжала, потом переместилась на бедро. Я вскрикнула — резко, испуганно. Ткань платья задралась, обнажая кружево чулок.

— Я чувствую, как ты дрожишь, — сказал он, наклоняясь к моему уху. Его губы почти касались мочки, обжигая дыханием. — И это не страх, Анна. Это желание. В тебе сейчас бурлит гормональный коктейль. Ты мокрая и горячая. Не ври себе. Твое тело хочет, чтобы его взяли.

Он был прав. И это было хуже всего. Чудовищная, отвратительная правда.

Глава 24

Мое тело не слушалось меня. Оно предало меня еще утром. Оно помнило утро. Помнило Кирилла. Помнило, как его сильные, молодые руки сжимали мои бедра, задирая платье к талии, как его губы кусали мои губы до крови, как я кончила от одного лишь трения его бедра о мой лобок, даже без проникновения. И теперь оно требовало продолжения банкета. Неважно от кого. Ему было плевать на мораль, на контракт, на мою душу. Оно просто хотело. Хотело мужчину. Хотело быть ведомым. Хотело потерять контроль и раствориться в физиологии.

— Александр, пожалуйста, — прошептала я, но сама не знала, о чем прошу. Остановиться? Продолжить? Сделать мне больно? Дать мне разрядку? Мой мозг отключился, оставив на дежурстве только инстинкты.

— Пожалуйста, что? — спросил он, и его голос стал ниже, хриплее, бархатистее. Опытный хищник, играющий с добычей. — Пожалуйста, остановись? Или пожалуйста, продолжай? Только честно.

Я молчала. Язык прилип к небу. Я не могла сказать ни слова, потому что правда была слишком грязна, чтобы облекать ее в слова.

Он толкнул меня на кровать. Не сильно, но неотвратно. Я упала на спину, и матрас пружинисто встретил мое тело, подбросив меня вверх. Александр навис сверху, опираясь на руки по обе стороны от моей головы. Его глаза горели темным, почти черным огнем, и я увидела в них то, чего раньше не замечала за лоском и властью. Не просто желание. Одержимость. Психическое отклонение.

— Сними платье, — приказал он. Голос стал жестким, как наждачная бумага.

Я не двинулась. Мои руки вцепились в покрывало.

— Я сказал, сними платье, — повторил он с нажимом, и в голосе лязгнула сталь. — Или это сделаю я, но тогда оно превратится в тряпку, и завтра тебе не в чем будет спуститься к завтраку.

Дрожащими руками я потянула ткань вверх. Шелк заскользил по коже, обнажая живот — плоский, напряженный, грудь в кружеве черного бюстгалтера, плечи с выступившими от напряжения мускулами. Я чувствовала его взгляд — тяжелый, горячий, прожигающий насквозь. Он смотрел на каждый сантиметр моей кожи так, будто считал мои родинки, как инвентарные номера. И я ненавидела себя за то, что под этим взглядом мои соски предательски затвердели, став видными сквозь тонкое кружево.

Платье упало на пол бесформенной серой лужицей. Я осталась в белье — черном, кружевном, которое надела утром, не зная, что его будет срывать мужчина, за которого я выхожу замуж не по любви.

— Красивая, — сказал Александр. В его голосе звучало удовлетворение коллекционера, получившего редкий экземпляр. Он провел пальцем по краю моего бюстгалтера, там, где кожа соприкасалась с кружевом. — Я знал, что под этой скромной одеждой скрывается сокровище. Шлюха, притворяющаяся монашкой.

Он наклонился и поцеловал мою шею. Не нежно. Не спрашивая разрешения. Жестко, собственнически, с силой всасывая кожу, оставляя засосы — метки собственности. Я зажмурилась, пытаясь отключить сознание, представить, что меня здесь нет, но тело жило своей жизнью. Оно выгибалось дугой навстречу его губам, оно подставляло шею, оно хотело большего, оно предавало меня с потрохами.

Вдруг он замер. Его губы оторвались от моей ключицы. Тишина стала звенящей.

— Ты пахнешь им, — сказал Александр, поднимая голову. Его ноздри раздувались, как у зверя, почуявшего след. Его глаза потемнели до цвета грозового неба. — Ты, блядь, пахнешь моим сыном.

У меня остановилось сердце. Буквально. Пропустило удар, потом забилося в горле.

— Что? — выдохнула я. Ужас ледяной водой окатил внутренности.

— Не ври, — он резко сжал мое горло одной рукой — не сильно, чтобы не убить, но достаточно, чтобы перекрыть кислород и показать, кто здесь бог. — Я чувствую его запах на твоей коже. Запах «Bleu de Chanel» и молодого пота. Вы встречались сегодня. Он был близко к тебе.

— Я... — слова застряли в горле, как кость. Я хватала ртом воздух, но не могла выдавить ни звука.

— Не надо, — перебил он. Его голос был страшен в своей ледяной сдержанности. — Я не хочу знать подробности. Знание деталей заставит меня убить вас обоих. Я хочу, чтобы ты забыла его. Сейчас же. И я помогу тебе в этом. Выжгу каленым железом.

Он сорвал с меня трусики одним резким, яростным движением. Тонкое кружево с треском лопнуло, и я услышала, как рвется ткань, а вместе с ней рвется последняя нить, связывающая меня с приличным обществом. Я хотела закричать, но из горла вырвался только сип. Я хотела оттолкнуть его, упереться руками в грудь, но мои руки были ватными, не слушались.

Он вошел в меня без подготовки. Резко, одним мощным толчком, разрывая сухое лоно. Боль была острой, обжигающей, как удар хлыста. Я вскрикнула, выгнувшись дугой, пытаюсь отползти вверх по кровати, но он держал меня за бедра мертвой хваткой, насаживая на себя до упора.

— Ты моя, — прорычал он, начиная двигаться в жестком, размашистом ритме. — Только моя дыра. Запомни, чей член тебя трахает.

Боль смешалась с чем-то еще. С чем-то темным, постыдным, поднимающимся из самой глубины моего естества. С той самой грязной правдой, которую я так ненавидела. Я ненавидела его за грубость. Ненавидела себя за слабость. Но мое тело, предательское, животное тело, отвечало на каждое его движение. Стенки влагалища, сначала сухие и сопротивляющиеся, начали выделять смазку. Оно сжималось вокруг его твердого члена, впускало глубже, требовало большего.

Он двигался жестко, ритмично, как отбойный молоток. Он не спрашивал, нравится ли мне. Он брал свое. Он метил меня изнутри. Каждым толчком, каждым укусом на моей шее, каждой царапиной от его ногтей на внутренней стороне бедра он оставлял на мне свою метку, перекрывая запах Кирилла.

— Смотри на меня, — приказал он, и его голос был похож на рык. — Открой свои шлюшьи глаза.

Я открыла глаза. Слезы размазали картинку.

Его лицо было искажено гримасой животной страсти. Пот стекал по вискам, капал мне на грудь. Глаза горели дьявольским огнем, губы были сжаты в тонкую жесткую линию. Он смотрел на меня так, будто хотел запомнить каждую мою черту в этот момент унижения. Будто хотел, чтобы я запомнила его — единственного настоящего мужчину в моей жизни.

— Теперь ты знаешь, кто твой мужчина, — сказал он, ускоряя темп. Движения стали рваными, хаотичными. — Не сопливый мальчишка Кирилл. Не кто-то другой из твоего прошлого. Я. Только я. Повтори.

— Ты, — прохрипела я, потому что не повторить было нельзя.

Он кончил с глухим, утробным рыком, который эхом разнесся по комнате. Он вжался в меня так сильно, что я почувствовала, как головка его члена упирается в шейку матки, пульсируя и изливая горячее семя внутрь. И в этот момент — именно в этот, когда он наполнял меня собой, метя территорию спермой — я почувствовала, как внутри меня нарастает знакомая волна.

Нет. Только не это. Только не с ним. Пожалуйста, Господи, останови это.

Но тело не слушалось молитв. Оно жило по своим законам физики. Мышцы влагища сжались вокруг его все еще твердого члена в сильнейшем спазме, выгибая мою спину дугой над кроватью. Оргазм прошел по мне, как удар молнии в грозу — ослепительный, разрушительный, сжигающий все нервные окончания. Я закричала. Громко, протяжно, на одной ноте. В этом крике смешалось все: животное удовольствие, жгучая ненависть к себе, отчаяние и сладкая боль.

Александр смотрел на меня сверху вниз, тяжело дыша, и улыбался. Его улыбка была победной. Улыбка охотника, загнавшего лису в нору.

— Я же говорил, — сказал он, медленно выходя из меня с влажным, постыдным звуком. Он перекатился на спину, все еще улыбаясь в потолок. — Ты захочешь меня сама.

Я лежала на кровати, глядя в потолок с вычурной лепниной, и чувствовала, как по щекам текут горячие, беззвучные слезы. Они скатывались в уши, щекотали. Моя голова была пустой, гулкой, как колокол. Мое тело горело. Моя душа лежала в руинах, погребенная под обломками самоуважения.

Он лег рядом, притянул меня к себе властным движением, закинул мою ногу на свое бедро. Я не сопротивлялась. У меня не было сил. Не было воли. Я была просто куклой с влажным, использованным нутром.

— Ты привыкнешь, — сказал он, целуя меня в мокрую от слез макушку. Его голос звучал почти ласково, отчего было еще страшнее. — А потом полюбишь. Я zdeаю все для того чтобы это случилось как можно быстрее.

Я закрыла глаза. Я не полюблю. Никогда. Я буду ненавидеть его каждой клеткой своего тела до последнего вздоха. Но мое тело... мое проклятое, голодное тело уже любило. Оно любило то, что он делал со мной. Оно хотело этого унижения. И это было самым страшным поражением.

Потому что теперь я была его. Не по контракту. Не по деньгам. По зову плоти. Мое тело принадлежало ему. И никакой Кирилл не мог этого изменить. Александр был первым, кто взял меня здесь, в этом доме, и заставил кричать.

Или все же смогу? Я не знала. Я ничего не знала. Мозг отказывался работать.

Я знала только одно: я ненавижу себя лютой, черной ненавистью. За то, что кончила под ним. За то, что текла для него. За то, что не смогла остановиться, не смогла сжать бедра и вытерпеть. За то, что мое тело — предатель.

И за то, что в ту самую секунду, когда Александр вколачивался в меня, выбивая пыль из матраса, и когда волна наслаждения накрывала меня с головой, за моими закрытыми веками стояло другое лицо. Молодое. Дерзкое. С потемневшими синими глазами и ухмылкой на губах. О том, кто целовал меня в коридоре, впечатывая в зеркало. О том, чьи руки сжимали мои бедра. О том, кто сказал: «Ты не сможешь забыть».

Я не забыла. Образ Кирилла впечатался в подкорку. И это будет моим проклятием. Жить с отцом, а желать сына. Спать в одной постели с хозяином, а видеть во сне его наследника. Этот дом действительно стал моей тюрьмой. И стены ее были выложены не камнем, а моей собственной похотью.

Глава 25

После той ночи я избегала Кирилла с упорством обреченной. Это было похоже на бег по раскаленным углям: каждый шаг давался с трудом, а остановка грозила гибелью. Целую неделю мой телефон разрывался от вежливых напоминаний Александра о семейных ужинах и совместных выходах в свет, но я научилась виртуозно лгать. Головная боль превратилась в затяжную мигрень, работа — в аврал до глубокой ночи, а встречи с подругами и вовсе стали моим личным мифом, в который я сама почти поверила.

Александр слушал мои отговорки с ледяным спокойствием удава. Он не спорил, не давил. Он просто молчал в трубку с той особенной, пробирающей до костей паузой, после которой я физически ощущала, как по ту сторону провода он покачивает в пальцах бокал с виски. Он знал. Я кожей чувала: он знает, что я бегу не от него. От его денег, от его властных рук я уже и не думала бежать. Я бежала от его младшей, более хищной, более голодной копии. Я бежала от себя самой.

В пятницу вечером, когда я, скрючившись в кресле своей маленькой квартиры, бесцельно листала ленту новостей, стараясь не думать о том, как пахнет кожа на шее Кирилл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.